

Александр Берг

ПО ПРОЗВИЩУ «МАЛЮТА»

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Александр Берг
По прозвищу «Малюта»
Серия «Антиблицкриг», книга 3
Серия «Военная фантастика (АСТ)»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69165379
По прозвищу «Малюта»: Издательство АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-155332-6*

Аннотация

Капитан российского спецназа погибает, спасая молодую женщину с ребёнком от наезда пьяного водителя. Вроде всё, жизнь окончена, но он получает второй шанс, оказавшись в теле умершего в результате несчастного случая молодого лейтенанта. Лето 1937 года. Киевский военный округ, новоиспечённый лейтенант Скуратов принимает под своё командование взвод бойцов. У него есть всего четыре года, чтобы сделать из своих бойцов отъявленных головорезов, и если у него получится, то жарким летом 1941 года хваленый немецкий «Бранденбург» умоется кровью в лесах Украины и Белоруссии, а лесные братья станут манекенами для отработки умений спецназа РККА.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	49
Глава 4	68
Глава 5	91
Глава 6	111
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Александр Берг

По прозвищу «Малюта»

© Александр Берг, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

От границы мы Землю вертели назад —
Было дело сначала.
Но обратно её закрутил наш комбат,
Оттолкнувшись ногой от Урала.
Наконец-то нам дали приказ наступать,
Отбирать наши пяди и крохи,
Но мы помним, как солнце
отправилось вспять
И едва не зашло на востоке.

Глава 1

17 мая 2021 года, Волгоград

Отпуск, как много счастья будет в нём. После почти полугодовой командировки в Сирию, с её жарой и пустынями, я наконец получил отпуск. Как же я соскучился по своему родному городу, по Волге, которая раскинулась и неспешно несёт мимо города свои широкие воды. Ух оторвусь, у меня на берегу в гараже катер стоит, конечно, это не те катера, на которых мажоры носятся, но для рыбалки вполне сойдёт. Я так мечтал о предстоящем отпуске, что увидел мчавшийся «Порше Панамера», когда он уже выскочил на тротуар. Рядом со мной шла молодая мама, не знаю, девчонке, наверно, было лет двадцать, не больше, а спереди, по-модному, в подвязках у неё висел ребёнок, совсем маленький, нескольких месяцев от роду. Этот чёртов мажор на машине нёсся прямо на нас, а девчонка, похоже, впала от увиденного в ступор. Всё, что я успел сделать, это только оттолкнуть её в сторону с пути обезумевшей машины, а затем последовал страшный удар, который высоко подбросил меня в воздух. Последнее, что я успел увидеть, это влетающая спиной в кусты девчонка с ребёнком и врезающийся в бетонный столб ограды ав-

томобиль.

17 мая 1937 года, окрестности Житомира

– Ну давай – дыши, дыши...

Я медленно приходил в себя, на какой-то момент вдруг понял, что мне делают искусственное дыхание, и это окончательно привело меня в чувство. Я открыл глаза и с недоумением осмотрел окружающую меня обстановку, а в это время послышалось:

– Ну, наконец-то очнулся! Васька, паразит такой! Ты понимаешь, что чуть и себя и меня под статью не подвёл, если бы товарищ лейтенант умер?!

Я недоуменно осматривался, да и было с чего. Последнее, что я помнил, это как отталкиваю с пути обезумевшего автомобиля молодую девушку с ребёнком. А сейчас я лежал в каком-то явно старом здании, а вокруг меня были люди в одежде середины прошлого века. Это что, галлюцинации? Пока ясно, что ничего не ясно. С помощью какой-то женщины сажусь, ну как сажусь, я ведь на полу лежал, вот она и помогает принять моей верхней половине тела вертикальное положение.

– Что со мной было?

Вполне закономерный вопрос, надо наконец понять, что произошло и где я нахожусь.

– Товарищ лейтенант, вы извините, это всё Васька, алкаш

несчастный, он провод как надо не закрепил, вот он на вас и упал, когда вы в зал вошли, а провод под током, вот вас электричеством и ударило¹.

Это что же получается, я в какого то лейтенанта попал, причем, судя по обстановке, – в середину прошлого века? Вот только попаданцем мне быть и не хватало, это что, мне теперь всего Высоцкого петь, продвигать промежуточный патрон и командирскую башенку? Дружить с Берией и советовать Сталину? Так, что ли? Интересно, а Т-34 уже есть, чтобы на него командирскую башенку продвигать, и с промежуточным патроном... а из чего им стрелять? А Берия, он уже нарком или ещё нет? Не успел я в себя прийти, как уже куча вопросов, а самый главный – кто же я?! Лейтенант, судя по разговорам дежурной – вроде это она, форма на ней, наверно железнодорожная, не знаю. Только что за лейтенант, не дай бог лётчик, я ведь в этом ни бум-бум, а если артиллерист или миномётчик? Тут хоть чуть легче, какое-то представление об этом я имею, знакомился с различными системами, но так, поверхностно. Да... попал я, но раз высшие силы дали мне второй шанс, надо не подвести доверие.

---

¹ Заранее хочу разъяснить, все люди разные, по воспоминаниям моего отца, у них во дворе убило током из разбитой лампочки мальчишку, хотя напряжение тогда было всего 127 вольт. Меня самого с самого детства неоднократно било напряжением в 220 вольт, первый раз лет в шесть, наверно, и кроме удара и неприятного ощущения – ничего; это когда к сварочному аппарату прилип, было хреново, так что прошу не удивляться и не возмущаться, как это так убило током с напряжением в 127 вольт.

– Товарищ, – обратился я к женщине. – У вас тут есть, где посидеть, мне в себя прийти надо.

– Да, конечно! Пройдёмте, товарищ лейтенант, в мой кабинет, там вы сможете посидеть и прийти в себя.

Мы прошли в небольшое помещение: там стояли стол, стул и несколько шкафов. Похоже, я не ошибся, и эта женщина железнодорожница, причем, похоже, начальница станции. Проводив меня в свой кабинет, она ушла, а я осмотрелся. Увидел на столе графин с водой и стакан, недолго думая, вынув из графина пробку, налил в стакан воды под самый край и единым залпом выпил. Вроде стало чуть легче, а теперь надо постараться понять, где я и кто я все-таки.

Судя по всему, прежнего владельца этого тела больше нет, его убило током, а его место занял я.

Странно, конечно, вроде и напряжение не такое большое, меня самого пару раз било током и ничего. Но раз так получилось, то будем играть по новым правилам. Итак, кто я сам такой? Начинаю обшаривать карманы кителя и натыкаюсь на сложенные бумаги, достаю, разворачиваю, читаю. Ага, понятно, я сам оказываюсь Игорем Павловичем Скуратовым, новоиспечённым лейтенантом, пехотинцем. Я только в этом году окончил военное училище и направлен для дальнейшего прохождения службы Ванькой взводным в 46-ю стрелковую дивизию, расквартированную под Житомиром, Киевского военного округа. Чуть легче, по крайней мере, меня там, вернее настоящего Игоря Павловича Скуратова ни-

кто не знает, а значит, и неприятных вопросов не будет, но остаются другие проблемы. Устав, я ведь нынешний устав не знаю, а значит, могут быть проколы, следовательно, необходимо срочно его достать и выучить.

Что я помню об этих временах? Честно сказать, немного, главное, что сейчас в армии не солдаты и офицеры, а бойцы и командиры, да, спасибо старым фильмам, знаю значения треугольников, квадратов и прямоугольников в петлицах, вернее, какое звание они означают. Ну, как говорится – бог не выдаст, свинья не съест. Теперь только определиться с датой, ага, вон календарь на стене, что тут у нас? Судя по всему, сегодня на дворе 17 мая 1937 года, значит, до войны ещё полных четыре года. Вполне возможно, что я встречу её уже ротным, вот только надо хорошо к ней подготовиться. И лучше всего ротным не линейной пехотной роты, а роты диверсантов. Надо подумать, как мне это повернуть, сразу идти с инициативой к начальству – дохлый номер, сначала надо будет свой взвод выдрессировать и обучить, а тогда уже можно и начальству на мозги капать.

Вроде чувствую я себя нормально, тело слушается, значит, нечего тут расслаживаться, пора и честь знать и двигаться в свою новую часть, принимать под команду взвод. Сказано – сделано. Я встал, вроде голова не кружится, сделал несколько шагов, всё, к счастью, в норме, и решительно вышел из кабинета.

– Как вы, товарищ лейтенант? – участливо спросила жен-

щина.

– Вроде всё в порядке, и спасибо вам, судя по всему, вы меня спасли.

– Да это вы нас извините, это ведь из-за Васьки всё произошло. Руки у него золотые, когда трезвый. А как выпьет, так всё через пень-колоду, вот и с проводом так вышло, что на вас упал.

– Да ладно, сейчас хоть крепко провод закрепили?

– Крепко!

– Вот и хорошо, а вы лучше мне скажите, как мне к себе в часть побыстрее добраться.

– А куда вам надо?

– Вот, в моём предписании стоит посёлок Черняхов.

– Надо подумать, сейчас у нас полдень, ага, через пару часов туда машина с товаром от райпотребкооперации пойдёт. Думаю, они вас с собой возьмут, подождите немного.

Начальница этого полустанка вышла, а я прикинул, почему это тело тут оказалось. Видимо, приехав в Житомир, лейтенант Скуратов решил доехать на местном поезде поближе к своей части, вот так он и оказался на этом полустанке. Вскоре вернулась железнодорожница.

– Договорилась, вы, товарищ лейтенант, идите в магазин, он на площади, как раз напротив вокзала, там и подождёте машину, она всё равно в магазин товар сгружать будет.

– Спасибо вам большое за всё.

– Да не за что, удачно добраться.

Выйдя из здания вокзала, я огляделся, действительно маленький даже не городок, а посёлок, и если бы не железная дорога, а вернее станция, то было бы тут полное захолустье. Асфальтом и не пахнет, даже привокзальная площадь не то что им, а и обычным камнем не вымощена. Представляю, что тут во время дождей творится, но это по большому счёту мне по барабану. Вон магазин потребительской, а мне туда. Захожу в магазин и оглядываюсь. За прилавком молодая продавщица, как говорят, кровь с молоком, да с молоко-фермой, которая рвётся на свободу из тесной блузки. Честно говоря, было бы неплохо её на сеновале повалять, может, и получится потом, кто знает, а сейчас у меня другое дело, мне сейчас надо в свою часть попасть.

– Добрый день, красавица.

– Добрый, товарищ лейтенант, это значит, вам надо в Черняхов добратся?

– Мне.

– Тогда подождите немного, скоро машина придёт с товаром, они потом туда поедут.

– Спасибо.

А я стал оглядываться, что тут есть. Содержимое чемоданчика Скуратова я тоже уже успел изучить, ну что сказать: салага он и есть салага. Кроме запасной формы и белья с мыльно-рыльными, у него ничего нет. Хорошо хоть оружие выдали, и не наган, а ТТ. Нет, наган тоже неплохой ствол, главное надёжный, и осечки нестрашны, просто провернул барабан и

стреляй дальше. В ТТ придётся в таком случае затвор пере-
дёргивать, чтобы дефектный патрон выбросить, вот только
он намного скорострельней нагана и по мощности больше.
Осмотревшись, я прикинул свои финансы, они пока не пе-
ли романсы, но и шикануть не получится. Ещё раз прикинув
свои возможности и цены, купил две бутылки водки, четыре
банки рыбных консервов и две тушёнки, а также пару пачек
печенья. Не знаю, как оно тут, вроде насколько я слышал, в
это время на водку и консервы не жаловались, надеюсь, не
фуфло это, а то ведь надо проставиться по случаю прибытия
и вступления в должность. Это Скуратов был, похоже, телок
телком, а я фишку секу, тут ведь как себя сразу поставишь,
так и будет, потом трудно сложившееся мнение исправить.
Если я сразу покажу себя бывалым, то и в дальнейшем мне
легче будет тут служить. Ещё раз оглядевшись, решил, пока
жду машину, перекусить. Особого разносола, разумеется, не
имеется, но вот пару бубликов и бутылку кефира купил. М-
м-м... Вкуснота, свежие и вкусные бублики, да и кефир не
подкачал, а главное никакой долбаной химии с биологией,
натурпродукт, блин; кислый и прохладный кефир отлично
утолял жажду и превосходно шёл под бублики.

Часа через полтора пришла, наконец, машина, такие я ви-
дел в фильмах про войну, водитель и экспедитор споро ски-
нули привезённый товар и затащили его в магазин. Я легко
договорился с ними, чтобы они подвезли меня до Черняхо-
ва. Тут хочешь не хочешь, а надо вживаться в новую жизнь и

лучше пока не особо привлекать к себе внимание, вот только чувствую, не получится у меня это. Я ведь не собираюсь сидеть на попе ровно и абсолютно ничего не делать, так досажусь, что летом 1941-го раздолбают нас немцы. Вот только действовать надо осторожно и не торопясь, время пока, слава богу, у меня есть.

Вот с такими мыслями я трясся в кузове «захара», так, оказывается, называлась эта машина, ЗИС-5. В кабине были водитель и экспедитор, а я устроился, можно сказать, с комфортом на каком-то мешке и тоже ехал неплохо. Тут лучше плохо ехать, чем хорошо идти. Вся дорога была разбита, так что грузовик немилосердно трясло, и это несмотря на то, что водила ехал не спеша, километров двадцать в час, наверное. Наконец мы доехали до Черняхова, ехали около часа, а пешкодралом мне часа четыре пришлось бы пылить по жаре. Украина, конец мая, погода жаркая, а на небе облаков почти нет, и идти пешком удовольствие ниже среднего. Да и успею я ещё набегаться, надо ловить момент, когда можно на законном основании сачкануть, ведь как только начнётся моя служба, а это, считай, с завтрашнего дня, так начну я из своих бойцов делать людей, вот тогда все будут носиться как электровеники.

На окраине поселка машина остановилась, и водила любезно указал мне направление движения, вот там примерно в километре и начинался военный городок, где была расквартирована моя дивизия. Благодаря машине я успел прибыть

днём, и штаб работал, а потому быстро предстал перед штабными деятелями, которые меня и определили в третью роту, второго батальона 137-го стрелкового полка. Узнав у дежурного месторасположение своего батальона, пошел представляться его командиру.

Сам батальон был расквартирован в трёх одноэтажных бараках, сколоченных на скорую руку, а один из барачных был подлинней, так как там была ротная и батальонная канцелярия. Вот там я нашел своего командира, капитана Широких Сергея Николаевича. Представившись по всей форме, принял под командование третий взвод третьей роты второго батальона. Затем в батальонной канцелярии знакомился со всеми командирами, а когда достал из своего чемодана две бутылки водки и консервы в качестве закуски, то встретил одобрителный рокот командиров, вот только два пузыря на почти полтора десятка здоровых мужиков это мало. Деньги у меня ещё были, а потому комбат быстро послал бойца в дивизионную лавку купить ещё две бутылки водки.

Отмечали моё вступление в должность вечером, в батальонной канцелярии. Четыре бутылки водки на шестнадцать человек это не много, тем более под закуску, а не на голодный желудок. Короче, посидели с час, комбат распорядился принести самовар, и дальше мы чаёвничали, всё же комбат оказался мужик мировой, и за вступление меня в должность выпили и не напились, а нормально посидели и поговорили за жизнь. Я больше слушал, чем говорил, сейчас язык

мой – враг мой. Пока я нормально не вращу в это время и в этот коллектив, то лучше больше слушать и меньше говорить. Мне показали мою койку в казарме, она и вправду была не в общем помещении вместе с бойцами, а в небольшом закутке для командиров. Все несемейные командиры жили в казармах, вместе с бойцами, а мне в принципе это по барабану, могу и тут пожить. С утра первым делом сходил в магазин и там, к своему счастью, нашёл устав РККА, который и купил. Ну вот, недельку на изучение устава и вращание в среду, а там, как говорится, помолясь и приступим.

18 мая 1937 года, посёлок Черняхов

– Рота, подъём!

Дневальный будит роту на построение, а я, уже одетый, смотрю за тем, как бойцы роты вскакивают и начинают одеваться. Ну что сказать, плохо, очень плохо, их еще дрючить, дрючить и ещё раз дрючить. Не думаю, что ротный даст мне заниматься со всей ротой, но своих бойцов я выдрессирую как надо. Сейчас, первую неделю, буду присматриваться и вживаться в этот ритм, а затем вплотную займусь своим взводом, заодно за эту неделю и немного бойцов изучу. Весь день провел за чтением устава, отличия, конечно, очень большие, но память у меня хорошая, так что за пару дней выучу. Ротным у меня Антон Игоревич Разин, старший лейтенант, молодой парень, всего на несколько лет старше этого

тела, то бишь меня. Надеюсь, сработаемся, по крайней мере вчера, скажем так, при вливании меня в наш, надеюсь, дружный коллектив, у меня вроде сложились с ним нормальные отношения. Короче, посмотрим, вчера времени не было нормально с ним поговорить. А вот и ротный на помине, только о нём думал и на тебе, он тут как тут.

– Привет, Игорь, чего рожу скривил, видел я, как ты кривился, когда бойцы одевались.

Мы ещё вчера как-то быстро, скажем, так скорешились и перешли в общении между собой на имена.

– Да понимаешь, Антон, медленно, очень медленно бойцы одевались, больше двух минут, а от этого порой может их жизнь зависеть.

– А по-твоему, сколько надо?

– Сорок пять секунд.

– Сколько?!

– Сорок пять секунд.

– Игорь, ты в своём уме?

– Считаешь это нереальным?

– Честно говоря, по-моему, это слишком мало.

– Слушай, Антон, я тут много о чем размышлял во время своей учёбы, дашь мне шанс воплотить это всё в жизнь?

– Смотря что, я даже не представляю, что ты хочешь делать, так как я могу на это согласиться, даже не имея об этом представления.

– Я хочу сделать из своего взвода диверсантов.

– Игорь, ты в своём уме?

– В своём, в своём. Знаешь, у китайцев есть хорошая поговорка. Путь в тысячу ли начинается с первого шага. Для начала я хочу поднять их физическое состояние, заодно определю, кто сможет стать диверсантом, а кто нет.

– Ну не знаю...

– Антон, брось, ты ничем не рискуешь, и я отнюдь не собираюсь мчаться с места в карьер. Для начала займемся физической подготовкой бойцов, ещё было бы неплохо организовать спортгородок.

– А это что ещё за зверь?

– Небольшая площадка с доступными тренажёрами. К примеру, турник, чтобы подтягиваться, брусья, чтобы по ним на руках идти, скамейки для качания брюшного пресса.

– Это уже не ко мне, это тебе к комбату надо.

– Надо, значит, ходим. Но ты даешь мне своё добро на начало тренировок, сам увидишь, как через пару месяцев мои бойцы подтянутся.

– Ладно, дерзай, действительно интересно, что у тебя получится.

Итак, первое добро от начальства первой инстанции получено, теперь пойду комбата разводить на спортплощадку.

Капитан Широких уже был в канцелярии батальона, а потому я сразу к нему подошел.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться, дело есть.

Широких недоумённо на меня посмотрел, слишком не

шло это – дело есть с уставом.

– И какое дело у вас есть, товарищ лейтенант?

– Товарищ капитан, я смотрю, что у нас тут нет спортгородка, а ведь хорошее физическое состояние бойцов и командиров играет немаловажную роль в боеготовности нашего подразделения.

– Короче, Скуратов, не тяни kota за причиндалы, что ты хочешь?

– Построить спортгородок. Различные доступные тренажёры для физического развития бойцов.

– И что для этого требуется?

– Площадка для занятий, материал для тренажёров и рабочие руки.

– Какой материал тебе нужен?

– В основном дерево, брусья и лесины, думаю достать их не проблема, чай, не в степи и не в пустыне, леса кругом, так что древесина есть.

Широких ненадолго задумался и, наконец, произнёс:

– Ладно, Скуратов, давай посмотрим, что у тебя получится, может, и выйдет толк из твоей затеи. Тут в направлении ручья есть большая свободная поляна, думаю, тебе она подойдёт под твой спортгородок.

Вот так, добро начальства получено, теперь надо осмотреть предложенную поляну и озадачить старшину батальона необходимыми материалами. А кстати, кто у нас старшина, вчера на вливании в коллектив его не было. Поляна оказа-

лась что надо, большая, не стадион, конечно, но вполне подходящая. Теперь, когда с местом строительства я определился, нужен старшина, чтобы организовать всё мне нужное. Я что, больной, сам корячиться и всё строить, зачем, если есть старшина и бойцы.

Старшину я нашёл тут же в штабе, им оказался здоровенный хохол Петренко. Нет, это просто уму непостижимо, как старшина, так хохол, что сейчас, что в будущем. Насколько я помню, во всех частях, где я служил, старшины были украинцы, так же, как и подавляющая часть прапорщиков. Вот с Петренко мне пришлось повозиться, но всё же договорились. В конце концов, это ведь не мне лично надо, а Петренко, похоже, задумал гнобить в спортгородке провинившихся бойцов. Да, представляю, как со временем надо будет уламывать Петренко на полосу препятствия. Хотя... если он действительно задумал наказывать провинившихся бойцов, то полоса препятствия приведёт его в полный восторг, а я мелочиться не буду. Если строить полосу препятствия, то как положено – по нашим нормативам, которые еще только будут, и тут я буду решать, что нам нужно.

Спортгородок устраивали целую неделю, благо что хорошо просушенные брёвна и жерди были, причём работали тут бойцы моего взвода. Это Широких с Петренко мне заявили, припёрлись вдвоём ко мне в роту и сказали: раз это моя идея, то и воплощать её в жизнь будут мои бойцы. А самыми недовольными оказались именно бойцы третьего взвода третьей

роты второго батальона, то есть мои.

Снова звучит команда «Рота, подъем», бойцы роты строятся снаружи, и тут происходит разделение. Мой взвод под моим командованием отделяется от роты и начинает отдельное занятие физподготовкой. Я бегу вместе со своими бойцами, конечно, тело мне досталось вполне неплохое, вот только до моих прежних кондиций оно не дотягивает, а потому я тоже усиленно занимаюсь. Я, конечно, сейчас на десяток лет моложе, вот только растяжку и дыхалку надо нарабатывать снова. Ну что сказать, работать мне ещё и работать, как над собой, так и над бойцами. Десятикилометровый кросс выдержало меньше половины взвода, это в первый день наших занятий, зато теперь я вижу их реальный физический уровень. С этого дня для взвода начался ад крошечный, на меня даже наш политрук обиделся, так как на обязательных политзанятиях мой взвод мгновенно засыпает и никакие кары политрука это не исправляют. Справедливости ради, его наказания и наряды я спускаю на тормозах, так как отлично понимаю парней, нагрузки на них велики. Спустя пару недель они впервые все пробежали десять километров и теперь все как один подтягиваются двадцать раз. Другие бойцы, бывает, над ними подтрунивают, но когда я разок предложил такому хохмачу поменяться с моим бойцом, так разом все подтрунивания прекратились. Ротный и комбат в мои дела не вмешивались, видно им самим стало интересно, что из моей задумки выйдет, вот только вмешались сотрудники НКВД.

3 июня 1937 года, посёлок Черняхов

– Лейтенант Скуратов?

– Да, это я, а в чём дело, товарищ лейтенант?

– Лейтенант госбезопасности! Вы арестованы за подрывную деятельность! Сдайте оружие!

– Пожалуйста.

Я спокойно под настороженным взглядом этого лейтенанта госбезопасности и двух бойцов НКВД вынул из своей кобуры ТТ и передал его лейтенанту. Интересно, в чем дело, и это не наш дивизионный особист, это, так сказать, левый гэбист. Ладно, поживём, увидим, грехов за мной нет, хотя... а может, это наследие тела? Может, это Скуратов в своё время набедокурил, и теперь отдача до меня дошла? Ладно, паниковать пока рано, посмотрим, что мне инкриминировать будут.

3 июня 1937 года, Житомир

Мы погрузились в чёрную «эмку», на которой с бойцами приехал за мной лейтёха. Полтора часа езды, и мы въезжаем в Житомир. Интересно, это житомирский гэбист, так что случилось? Впрочем, ждать пришлось недолго. Вскоре мы доехали до Житомирского отделения НКВД, и меня завели в

кабинет, где привезший меня лейтенант начал вести допрос, а его бойцы стали позади меня.

– Итак, гражданин Скуратов, когда и где вы были завербованы немецкой разведкой? Кто поручил вам доводить наших бойцов до истощения?

– Товарищ лейтенант, а...

Договорить мне не дали.

– Не товарищ, а гражданин, и не просто лейтенант, а лейтенант госбезопасности! Тебе, гнида, это ясно?!

– А по какому праву вы так со мной разговариваете?! Без объяснения задержания, без предъявления обвинения!

Тут мне прилетел удар сбоку от стоявшего там бойца. Я лишь в последний момент слегка отодвинулся, и удар, который должен был снести меня с табурета, на котором я сидел, лишь прошел вскользь по моей голове. Ну всё, карапузики, баста! Превращать себя в отбивную я никому не позволю, а потому, развернувшись и нанеся молниеносный удар, я вырубил этого бойца, после чего вскочив, вырубил вторым ударом и другого, который уже замахивался на меня, а лейтенант в это время судорожно лапал свою кобуру, пытаясь вытащить табельное оружие. В пару прыжков я достиг его стола и одной рукой ухватил его за горло, а другой за руку, в которой уже показался извлечённый из кобуры ТТ. Приподняв лейтенанта и встряхнув его, я отпустил горло и легко двинул его в солнечное сплетение, отчего он замер, пытаясь вдохнуть воздух, а я тем временем отобрал у него ТТ. Пока

лейтёха пытался прийти в себя и вдохнуть хоть немного воздуха, я глянул на писульки, что лежали у него на столе. Как оказалось, причиной моего задержания оказалась анонимка, написанная на меня моим бойцом. Этому дятлу надоели физические упражнения, и он не придумал ничего лучше, чем накатать на меня анонимку, причем не нашему особисту, а в Житомирское отделение НКВД.

Теперь всё встало на свои места, однако надо как-то разруливать эту байду. Сначала я связал за спиной руки обоим бойцам их же ремнями и привязал их к батарее отопления. А затем, плотоядно улыбаясь, я придвинулся к лейтенанту. Только теперь, я узнал, как его зовут, изучив его удостоверение личности. Лейтенант госбезопасности Линевиц Яков Генрихович. Видно, тут привыкли к звукам и крикам при допросах, так как никто к нам в кабинет, который, кстати, был заперт, это ещё Линевиц сделал, когда мы зашли, не зашел, привлечённый криками, стонами и звуками ударов. Я прекрасно знал метод полевого допроса, вот и применил его в очередной раз на практике, и Линевиц поплыл. Всхлипывая и утирая кровь с разбитого лица, он послушно писал под мою диктовку чистосердечное признание, которое потом и подписал с датой и местом написания. Перечитав написанное, я сунул в кобуру свой ТТ и, сев за стол Линевица, поднял трубку телефона и после того, как на противоположном конце сняли трубку, произнёс:

– Товарищ капитан госбезопасности, вы можете подойти

в кабинет лейтенанта Линевича, очень надо.

Глава 2

*3 июня 1937 года, управление
НКВД города Житомир*

Капитан госбезопасности Павел Сергеевич Костромин работал в своём кабинете с бумагами, когда раздался странный телефонный звонок.

– Капитан Костромин слушает.

В ответ он услышал:

– Товарищ капитан госбезопасности, вы можете подойти в кабинет лейтенанта Линевича, очень надо.

Костромин несказанно удивился такому странному звонку. Положа руку на сердце, лейтенанта Линевича он не любил. Пришедший в управление около года назад лейтенант показал себя за это время как амбициозный, но тупой сотрудник. Как знал Костромин, Линевич с утра куда-то уехал, прихватив с собой двоих бойцов, и тут этот звонок, судя по всему, из его кабинета, вот только звонил не Линевич. Это крайне заинтриговало Костромина, и он, убрав в сейф бумаги, с которыми работал, направился в кабинет Линевича. Зайдя в его кабинет, он остолбенел, и было от чего.

За столом самого Линевича в вальяжной позе развалился

неизвестный пехотный лейтенант. Два бойца, которых Линеви́ч взял с собой утром и которые обычно выбивали для него показания, в этот раз оказались привязаны к батарее отопления, причём их руки были связаны за спиной. Сам Линеви́ч, хлюпая разбитым носом, сидел на прикрученном к полу табурете, на который он обычно сажал допрашиваемых, причём без ремня. Типичный задержанный на допросе, по-другому и не подумаешь, глядя на него. Внутренне Костромин не напрягся от такой картины, как можно было ожидать, а наоборот – развеселился. Как-то так получилось, что с самого начала ему не понравился Линеви́ч, и последующие выводы только подтвердили правоту этой неприязни. Из Линеви́ча так и пёрла гниль, вот только избавиться от него капитан Костромин не мог.

– День добрый, – раздалось от вскочившего пехотного лейтенанта. – Вы, я так полагаю, начальник этого... – При этом лейтенант брезгливо указал на Линеви́ча.

– Да, я начальник лейтенанта госбезопасности Линеви́ча, а вы кто такой и что, собственно говоря, здесь происходит? Почему наши бойцы связаны и привязаны к трубе отопления?

– Насчет ваших бойцов, так они вели себя неправильно, позволили себе рукоприкладство ко мне.

Костромин сразу отметил: не к задержанному, не к допрашиваемому, а ко мне.

– А что касается так называемого лейтенанта госбезопас-

ности Линевича, то прошу вас самому ознакомиться с его признательными показаниями.

С этими словами лейтенант встал из-за стола Линевича и протянул Костромину несколько листов бумаги. Сам Линевич в это время быстро проговорил:

– Товарищ капитан госбезопасности, он силой заставил меня это написать и подписать.

В ответ Костромин ничего не сказал, а лишь с интересом стал читать написанное. Каким-то шестым чувством, которое его ещё ни разу не подводило, он знал, что лично для него этот странный, незнакомый пехотный лейтенант не опасен. На трёх листках бумаги рукой Линевича было написано признание лейтенанта в том, что он работает на абвер, а также уругвайскую и парагвайскую разведки. В частности, было написано, что одной из основных задач лейтенанта Линевича было уничтожение советских командиров под видом борьбы с врагами народа. Читая это, Костромин только смеялся про себя, он оценил шутку незнакомого лейтенанта.

Уже сейчас Костромин всё понял: Линевич арестовал армейца, привез его в управление, завел в свой кабинет и стал выбивать из него признательные показания, а армеец, недолго думая, сам скрутил Линевича с бойцами и заставил уже его самого дать такие же показания. Кому расскажи из сотрудников, не поверят. А лейтенант хорош, не испугался их ведомства и сам сделал так же. Сам Костромин не одобрял и не применял такие методы дознания. Он как раз хорошо

понимал, что выбить нужные показания можно практически из любого, вот только цена им будет грош в базарный день. Это хорошо только начальству пыль в глаза пускать, имитируя успешную работу, а на деле, если вместо настоящего врага и шпиона задержат и осудят невиновного, то толку не будет. Враг останется на свободе и будет дальше вредить молодой стране Советов, вот только сам сделать он ничего не мог. Костромин был реалистом, и лавры Дон Кихота по борьбе с ветряными мельницами ему были не нужны.

– Ну что, Линевич, и как это понимать? Ты у нас, оказывается, матёрый шпион, работающий сразу на три зарубежные разведки?

Костромин едва сдерживал себя, чтобы не расхохотаться.

– Товарищ капитан госбезопасности, он силой выбил из меня это признание и сам мне диктовал, что писать. Это матёрый враг, его нужно немедленно арестовать! Вот же, нападение на сотрудников госбезопасности, одно это подтверждает, что он вражеский шпион!

– А как же собственноручные показания? Ведь ты сам мне говорил, что собственноручное признание перевешивает всё, или это действительно только для тех, кого ты допрашиваешь и у кого выбиваешь силой необходимые тебе показания?

Лейтенант Линевич молчал, он не знал, что говорить.

– Ладно, с тобой всё ясно, теперь вы, товарищ лейтенант, представьтесь, пожалуйста.

Всё это время неизвестный лейтенант с явным интересом смотрел за представлением и теперь так же спокойно, без малейшей дрожи или волнения проговорил:

– Лейтенант Скуратов, Игорь Павлович, командир третьего взвода третьей роты второго батальона 137-го пехотного полка 46-й стрелковой дивизии.

– И по какому обвинению вас задержали?

– Судя по этому доносу, – тут лейтенант махнул какой-то бумажкой, – который я нашел в его бумагах, в работе на зарубежную разведку меня обвиняет мой боец. А сама подрывная деятельность заключается в том, что я заставляю своих бойцов усиленно заниматься физическими упражнениями. Короче, товарищ капитан, ленивый раздолбай из моего взвода решил таким образом избавиться от ежедневных тренировок на физическую выносливость и силу.

– Можно глянуть? – спросил Костромин.

– Разумеется, – с этими словами Скуратов отдал ему листок доноса.

Костромин с интересом прочитал донос, где довольно безграмотно писали про вредительскую деятельность лейтенанта Скуратова, который ежедневно гонял на физподготовку свой взвод, в то время как остальные бойцы роты и батальона занимались повседневными делами.

– И это всё из-за одного лентяя?

– Получается, что так.

– Ну а с Линевичем как так вышло?

– Да всё очень просто, я с самого начала понял, что разбираться в этом деле он не будет. Раз есть донос, значит, всё ясно, осталось только выбить признательные показания. Вот только делать из себя отбивную я никому не позволю. А ваш Линевиц, кстати, натуральный враг народа.

От услышанного лейтенант Линевиц вздрогнул.

– Вместо того чтобы нормально разбираться с поступившими заявлениями, что это, действительно сигнал на вредителя или кляуза на не угодившего тебе человека, он сразу всех записывает во враги народа. А если как раз наоборот, это враг народа написал донос на передовика производства или хорошего специалиста, чтобы убрать его и тем самым нанести вред нашей стране и нашему народу? Вот и получается, что ваш Линевиц как минимум пособник врагов народа, а как максимум сам им является, используя своё служебное положение для максимального вредительства стране и народу.

Костромин задумался, с этой стороны он как-то не рассматривал такое положение вещей. А ведь действительно, зачем самому кого-то убивать, проще написать на него донос, и вот такие Линевицы дальше сами всё сделают.

– Вот что, товарищ лейтенант, пойдёмте в мой кабинет, поговорим.

От этого капитана не веяло угрозой, похоже, мне повезло нарваться на адекватата. Я спокойно вышел из кабинета Линевица и проследовал за капитаном. Уже в его кабинете я как

бы между прочим вытащил из кармана галифе ТТ Линеви-
ча и отдал его капитану. Оставлять пистолет на столе или
в столе лейтенанта я не захотел, ну его к лешему. Сейчас в
его мозгах полный раздрай, а если он, схватив пистолет, ри-
нется за нами сводить со мной счёты, то что, устраивать с
этим дебилом перестрелку в здании городского НКВД? Как
говорится, бережёного бог бережёт, вот и не будем искушать
дебилов. Зайдя вместе с капитаном в его кабинет, я сел на
стул, не такой, как у Линеви́ча. Нормальный стул за столом
для совещаний.

– Давай, лейтенант, рассказывай, что там у вас произо-
шло, только правду, а про эту филькину грамоту... – Капи-
тан потряс листками с чистосердечным признанием Линеви-
ча, – можешь забыть.

– Хорошо, товарищ капитан, или я должен обращаться к
вам гражданин капитан госбезопасности?

– Да брось ты, лейтенант, называй просто товарищем ка-
питаном.

– Итак, сегодня утром к нам в часть заявился этот перец...

– Кто?!

– Лейтенант Линеви́ч, весь из себя такой грозный и пра-
ведный, приказал сдать личное оружие и следовать с ним,
так как я арестован. Я не стал возмущаться, решил сначала
узнать, в чём меня обвиняют, а лейтенант привёз меня к вам
в управление, завёл в свой кабинет и сразу попробовал вы-
бить из меня признание в моей работе на немецкую развед-

ку. Вот так с ходу, даже не зачитав причины ареста и не объяснив, в чём меня обвиняют.

– А боец твой, чем ты ему так досадил, что он на тебя даже не своему особисту донос написал, а нам, в центральное управление.

– С этим дятлом я ещё разберусь! Понимаете, товарищ капитан, я только пришел из училища и, посмотрев на боеготовность своих бойцов, ужаснулся. Доведись нам, не дай бог, сейчас с кем воевать, так они такого навоюют. Физическая подготовка отвратительная, боевая тоже не очень. Идти с этим к начальству? Кто я для них, зелёный лейтёха, только из училища, одним словом – салага, а уже их, опытных командиров, учить будет. Знаете ведь, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Вот я и решил, что сначала я свой взвод в порядок приведу, а там, глядишь, и рота подтянется, за ней и батальон. Представляете, в первый день у меня меньше половины взвода смогли десять километров пробежать, и это без оружия и снаряжения. И как с такими бойцами воевать?! Сейчас, спустя две недели после усиленных тренировок, они все смогли пробежать эту дистанцию. Я хочу одного: чтобы мои бойцы были самыми умелыми и подготовленными, а кроме того, хочу с ними отработать методику различных боев, в поле, в помещениях, снятие часовых, маскировка, уничтожение вражеских объектов, рукопашный бой, меткая стрельба. Я хочу сделать элитное подразделение, которое сможет выполнить любое задание командования. А

для этого в первую очередь необходима превосходная физическая подготовка, чем я пока и занялся со своими бойцами. Я для этого специально пока спортгородок построил, надеюсь, позже мне удастся уломать начальство на строительство полосы препятствий, для уже полноценной тренировки своих бойцов.

Капитан с интересом слушал этого лейтенанта. То, что тот превосходный боец, было видно уже по тому, как он в одиночку скрутил троих их сотрудников, причем, похоже, без членовредительства. Да, не похож он на врага народа или шпиона, тот просто не стал бы так подставляться, был бы в тени, а не лез на рожон со своими идеями. А вот задумка лейтенанта об элитном подразделении его заинтересовала. Им самим такое подразделение не помешает, вот только где его взять, а если припахать этого лейтенанта? Во-первых, ссориться с НКВД после произошедшего не в его интересах, а во-вторых, это плюс для него в глазах его начальства. Раз этим заинтересовался НКВД и направил для тренировок и обучения своих сотрудников, значит, они решили, что это дело стоящее, а раз так, то и им, армейцам, надо поощрить лейтенанта. Но в любом случае сначала надо посоветоваться с начальством.

– Вот что, товарищ лейтенант, меня тоже заинтересовала ваша задумка, но как вы понимаете, сначала надо обсудить это с начальством. Сейчас мы с вами пойдём к начальнику НКВД, и вы подождёте меня в его приёмной, возможно, он

сам захочет с вами поговорить.

Я лишь молча поднялся за капитаном, шел и, как говорится, держал кулаки: если моей идеей заинтересуется городской отдел НКВД, то моё начальство сразу пойдёт мне во всём навстречу, ещё бы, тут дело даже не в страхе перед особистами, а в том, что раз энкавэдэшники посчитали это перспективным, значит, и нам не след отставать, тем более что это наш командир всё затеял.

У кабинета начальника НКВД я остался в приёмной, а капитан зашел в комнату. Его не было минут десять, после чего он выглянул и махнул мне рукой, заходи, дескать. Я и зашел.

На меня смотрел капитан, другой капитан, среднего роста, лет под сорок, взгляд умный и опасный.

– Так вот ты какой, лейтенант Скуратов. Товарищ Костромин рассказал мне о твоей задумке. В ней что-то есть, как ты смотришь, если мы выделим тебе для обучения отделение наших бойцов?

– Только положительно, товарищ капитан госбезопасности, появится дух соперничества, как это так, гэбисты лучше нас. Будут стараться и сами не ударить в грязь лицом и больше и лучше тренироваться. А вот если вы ещё поспособствуете строительству полосы препятствия и учебного городка, то это будет просто отлично.

– Что ещё за учебный городок?

– Имитация различных построек. Зачастую приходится действовать не в поле, а в городе или деревне, и тогда надо

правильно работать в постройках. Бой в населённом пункте, как правильно действовать. Там можно будет отработать тактику и стратегию боя в постройках, как надо делать, а как – ни в коем случае. Думаю, вам самим это пригодится в большей степени, всё же мы как бы больше в поле действуем, а вы в населённых пунктах.

– Пожалуй, ты прав, идея интересная. Хорошо, капитан Костромин поможет тебе со строительством и будет курировать обучение наших бойцов. Всё, свободен.

Логика начальника Житомирского отдела НКВД была понятна, да это любому умному человеку будет понятно. Есть новая идея и есть человек, который её продвигает. А самое главное, он из другой структуры, и ты сам, считай, ни за что не отвечаешь. Не получилось? Ну что поделать, ты тут ни при чём, а если вышло, то ты вроде как одобрил это и даже поучаствовал, зато потом начальству можно представить это как совместную инициативу. При любом исходе ты ничего не теряешь и ни за что не отвечаешь.

– Пошли, новатор! – Костромин дружески хлопнул меня по плечу, когда мы вышли из кабинета начальника Житомирского отдела НКВД.

В его кабинете мы обсудили, что необходимо для постройки полосы препятствий и учебных зданий, а также где это всё будет. Разумеется, строить будут рядом с нашей частью, а энкавэдэшников для обучения откомандируют в мой батальон. Вот не знаешь, где найдёшь, а где потеряешь. День на-

чался совершенно паршиво, а закончился просто отлично. Я даже набрался здоровой наглости попросить отвезти меня обратно, откуда утром забрали. Капитан лишь хмыкнул, но машину выделил, правда не «эмку», а «полуторку», но я и такой машине был рад, а то думай, как к себе из Житомира добираться.

3 июня 1937 года, посёлок Черняхов

– Гляди, Малюта идёт.

– Вот гадство, и НКВД ему не указ, я уже думал всё, закончились наши мучения, ан нет, этот аспид, Ирод царя небесного снова тут.

Вот так переговаривались между собой мои бойцы, когда видели меня. Думали, наивные, что всё, избавились от злого меня, а не вышло. Про свою кличку среди бойцов я уже знал, и ведь как метко приметили черти, Малюта. Вот она фамилия этого тела, да и среди бойцов, значит, есть образованные, раз знают, кто такой был Малюта Скуратов, а я для них сейчас именно мучитель и есть. Вон другие бойцы, они так не ухаиваются, не носятся как угорелые весь день так, что вечером еле ноги переставляют и после отбоя, только рухнув на свою койку, тут же засыпают мёртвым сном.

Широких, увидев меня, сразу приказал:

– Скуратов, ко мне, живо!

Мы зашли в кабинет комбата, и тут, словно джинн из бу-

тылки, материализовался и ротный.

– Скуратов! А мы уже и не надеялись тебя снова увидеть, отпустили? Давай рассказывай, что от тебя гэбисты хотели.

Комбат хотел знать, впрочем, в этом не было ничего удивительного, ему, скажем так, по должности положено, что, зачем, кому и почему в его хозяйстве, иначе какой он к чертям собачьим комбат.

– Не дождётесь! Вам теперь от меня так легко не отделаться!

– Да не тяни резину, говори!

– Короче, меня вломила одна падла из моего взвода, говнюку физподготовка надоела, вот он и решил через донос в НКВД от меня избавиться. Такой урод мне не нужен, я его из взвода отчислю, хоть в свинарник при хозчасти дивизии, хоть куда, думайте сами, куда его определить.

– Но я смотрю, там разобрались, раз ты тут, да ещё сегодня.

– Ага, разобрались, затем догнали и ещё раз разобрались. Вы видели, кто за мной приезжал, это же натуральный утырок.

– Как тогда тебя отпустили?

– Всё очень просто: я подумал, что раз он, даже не попытавшись разобраться, сразу начинает выбивать кулаками из меня признание о работе на немецкую разведку, то скорее всего он сам её агент. Поставили ему задачу изничтожить красных командиров, вот он её и выполняет.

– И?..

– Заставил его самого написать признательные показания. Он вначале не хотел, упирался, но у меня в чём хочешь признаешься, даже в интимной жизни с крупным рогатым скотом.

Тут раздался дружный смех моих командиров.

– Он, гадёныш, оказывается, ещё и на парагвайскую с уругвайской разведками работал, кроме немецкой. Больше мне ничего как-то в голову не пришло.

Тут снова раздался смех командиров.

– Затем вызвал его начальника и дал ему почитать собственноручно написанные его подчиненным признательные показания. Вот его начальник нормальный, разбираться стал, что к чему. Хорошо с ним поговорили, кстати, он к нам отделение своих бойцов пришлёт.

– Зачем?!

– Для тренировок. А кроме того, будем строить полосу препятствий и учебный городок для отработки действий в помещениях и жилых постройках.

– Начальство добро не даст, это на твою спортплощадку я мог дать разрешение, а то, что ты сказал, нужен полковой, а то и дивизионный уровень, а они этим замарачиваться не будут.

– Будут, никуда не денутся, им из управления НКВД бумага придёт об организации этого.

– Не понял, а НКВД тут при чём?

– Притом, их заинтересовала моя методика, а тут такой прекрасный случай, самим делать ничего не надо, вояки сами всё сделают, а они на всём готовом будут. Мы всё построим, а они только отделение своих бойцов выделяют для обучения. Если всё получится, то они как бы тоже в этом поучаствовали, зато никаких затрат и ответственности.

– Ну ты, Скуратов, и ухарь, так особистов использовать.

– Сучка не захочет, кобелёк не вскочит. Я просто заинтересовал их, при этом ни я, ни они ничем не рискуют.

– Это как?

– Так официальных приказов нет. Ну, вдруг не получилось, чего только не бывает, так и приказа на это не было, а постройки для тренировок, так это для бойцов, за это ругать не будут.

– А может, и не получится?

– В принципе может, если мне начнут палки в колёса вставлять. При наличии нормальных тренировочных объектов примерно за полгода уже будет виден результат.

– А в нём ты не сомневаешься?

– Нет. В любом случае наши бойцы получают превосходную физическую форму, кроме того, хоть какие-то новые умения они тоже освоят. Мне, кстати, профессиональный охотник нужен, пусть бойцов учит ориентироваться в лесах, следы читать, да даже как стрелять правильно покажет моим пентюхам. Видел я результаты стрельб, это просто тихий ужас.

– Есть у меня в батальоне один якут, охотник, боец Жирков, так и быть, отдам его тебе. Ты ведь всё равно, как ты сказал, от дятла избавишься, вот и будет ему замена.

– Товарищ капитан, от всего сердца огромное спасибо.

– Спасибом ты у меня так просто не отделаешься.

– Замётано, выставлю бутылку водки.

Комбат рассмеялся.

– Сам сказал, я тебя за язык не тянул.

Выйдя из канцелярии, я направился в свою роту, где построил свой взвод. Остальные бойцы роты тоже были в основном тут и с интересом смотрели на развернувшееся представление.

– Красноармеец Печенков, выйти из строя!

Чует кошка, чьё мясо съела, я видел, как изменилось его лицо, как только Печенков заметил меня. Он-то, небось, думал, что окончательно от меня избавился, когда меня утром лейтенант Линевиц уводил. Вот и сейчас он с помертвевшим лицом вышел из строя.

– Печенков, если вы не хотите заниматься физическими упражнениями, чтобы соответствовать стандарту советского бойца, то для этого совершенно незачем писать донос в НКВД на своего командира. Достаточно было просто попросить перевести вас в другое подразделение. Раз вы так не хотите заниматься с нами, то я вас не задерживаю, вы можете идти, мне такие бойцы не нужны.

– Куда же я пойду? – совершенно растерянно спросил Пе-

ченков.

– Не знаю, куда хотите, можете к ротному, можете к комбату, меня это не интересует, главное, что мне такие бойцы, кому нельзя доверить спину, не нужны.

Потерянно потоптавшись на месте и опустив голову, Печенков двинулся в сторону батальонной канцелярии. Как я заметил, ни капли сочувствия он от своих товарищей не получил. Доносчиков не любит никто, сегодня он написал донос на командира, а на кого напишет завтра? Ты сегодня с ним поругаешься, а он завтра на тебя в отместку кляззу намарает.

4 июня 1937 года, посёлок Черняхов

Явившийся утром в штаб 46-й дивизии капитан НКВД в первый момент вызвал закономерное опасение у командира дивизии, комдива Трофима Калиновича Коломийца. Однако когда он узнал о причине появления тут капитана Костромина, то его настроение резко пошло вверх. Создание общего учебного центра его тоже заинтересовало, особенно когда выяснилось, что это инициатива снизу, поддержанная госбезопасностью, и от него лично требуется только строительство учебного городка и полосы препятствий. Правда немного напрягло, что в распоряжение дивизии прибудет отделение бойцов НКВД для совместного обучения. Едва дождавшись отбытия капитана Костромина, комдив приказал де-

журному немедленно вызвать к себе лейтенанта Скуратова. Может, не заинтересуешься этим госбезопасность, он и устроил бы лейтенанту неслабую выволочку, но теперь необходимо было для начала из первых рук узнать всё подробно о новом обучении бойцов.

После того как закончились общие физические занятия со взводом, я отпустил ребят, а сам, оставшись на спортплощадке, сначала провёл короткий бой с тенью, а затем занялся разработкой растяжки. Хоть тело мне досталось, можно сказать, отличное, молодое, крепкое и в меру физически развитое, вот только до кондиций моего старого тела оно не доходило, хоть и было на десяток лет моложе. Хорошо, что рефлексy остались прежними, я в принципе на них одних и вырубил энкавэдэшников в кабинете лейтенанта Линевича. Их, да физических кондиций нового тела, вполне хватило, а вот против профессиональных волкодавов этого было бы мало, вот я и отрабатывал нехватяющую растяжку тела. Тут меня и застал посыльный из штаба дивизии. Известие о немедленном вызове к комдиву, честно говоря, меня не особо удивило, чего-то подобного я и ждал. Вот результат вызова мог быть двояким, но всё же намного большей была вероятность благополучного исхода разговора с комдивом.

– Товарищ комдив, лейтенант Скуратов по вашему приказанию прибыл.

Обнадёживающим фактором было то, что, похоже, комдив был в нормальном состоянии, то есть не злой, а значит

адекватный.

– Скуратов, Скуратов, а скажи мне, лейтенант, что всё это значит? Почему ко мне приезжает капитан НКВД и сообщает, что его ведомство крайне заинтересовано в создании полوسы препятствий, учебного городка и стрельбища для совместных тренировок бойцов НКВД с бойцами взвода лейтенанта Скуратова? Откуда он про тебя знает и почему хочет, чтобы его бойцы тренировались вместе с твоими.

– Товарищ комдив, тут такое дело, короче, меня вчера арестовали по доносу моего бойца. На допросе мне сразу попытались инкриминировать работу на немецкую разведку. Поскольку я был тут абсолютно ни при чём, то мне очень не понравилась попытка выбить из меня самооговор. В результате допрашивавший меня лейтенант сам признался в работе на немецкую, парагвайскую и уругвайскую разведки.

– А почему парагвайская и уругвайская? – Комдив несколько недоумённо смотрел на меня.

– Сам не знаю, товарищ комдив, почему-то они пришли мне в голову, вот лейтенант в этом и признался. Собственноручно всё написал и подписал, а затем я попросил подойти его начальника, капитана Костромина.

– И как ты не побоялся только?

– Так жить захочешь, ещё и не так сделаешь. Главное, что капитан Костромин оказался нормальным человеком. Я, кстати, на столе лейтенанта и донос нашёл, по которому меня арестовали, его мой боец написал, ему, видите ли, надое-

ло заниматься физической подготовкой, вот он и решил решить эту проблему таким способом.

– И что сейчас с этим бойцом?

– Не знаю, я его сразу убрал из взвода, он вроде как к комбату направился, а куда его капитан Широких отправил – не знаю.

– Ладно, это не существенно, что с Костроминым?

– Так я и говорю, нормальный мужик оказался, когда я ему свою задумку рассказал, так он её поддержал и через своего командира решил отделение своих бойцов ко мне направить, для совместного обучения.

– Вот как раз по обучению, что ты затеял, это ведь не согласовано со штабом полка и дивизии.

– Понимаете, товарищ комдив, я, когда прибыл в дивизию и увидел степень подготовки бойцов, что физическую, что боевую, то ужаснулся. Скажу честно, много наши бойцы не навоюют, но если, например, я бы даже смог пробиться к вам лично на доклад, стали бы вы слушать зелёного лейтенанта, только после училища?

– Нет.

– Что и требовалось доказать. Только тогда, когда я смогу из своего взвода сделать то, что задумал, можно пробиваться с докладом наверх, ведь в этом случае это будут не голословные обещания, а уже готовый взвод, который сможет показать, чему он научился и что может.

– Пожалуй, ты прав, но всё же, что ты хочешь получить

в итоге?

– Подразделение специального назначения. Его задачи: разведка в ближнем и среднем тылу противника, захват «языков», совершение диверсий в тылу противника, уничтожение штабов и складов.

– Лейтенант, ты хоть понятие обо всём этом имеешь?

– Имею, товарищ комдив, и первоочерёдной задачей в обучении наших бойцов является поднятие их физической силы и выносливости, так как им в тылу противника придётся очень много двигаться и с тяжёлым грузом, ведь всё необходимое им придётся нести с собой. Далее идут стрельба, рукопашный бой, навыки выживания в лесу, в том числе и чтение следов. Снайперская и сапёрная подготовка. Это основа, а в ходе обучения будет обкатываться и тактика действий, в частности, опыт казачьих пластунов. В моей роте есть боец Никодимов, он из казаков и имеет представление о тактике пластунов. Я тоже в училище много об этом думал, правда, никому не говорил и ничего не записывал, всё держал в голове.

– И ты думаешь, что у тебя получится?

– Товарищ комдив, под лежащий камень вода не течёт, по крайней мере, мы можем попробовать, много сил и средств это у нас не займёт, начальство об этом не знает, так что и спрашивать с нас в случае неудачи не станет, зато если получится, то мы станем родоначальниками нового рода войск. Мы никак не рискуем, зато можем много выиграть в случае

успеха. Я вначале со своим взводом создаю и отрабатываю методику обучения. Если получается, то взвод превращается в роту, а затем демонстрируем её вышестоящему начальству.

Коломиец задумался, лейтенант Скуратов прав, пока об этом знают только в его дивизии, и то не все, да НКВД Житомира. Если у них получится, то возможно, НКВД, конечно, примажется к ним, и то у них другое начальство, и на его дивизии и нём лично это не скажется. Не получится, так начальство не знает и не узнает, так что тут тоже всё хорошо. Ладно, не будь тут интереса НКВД, он, может, ещё и не решился бы провести этот эксперимент, а так, пусть Скуратов попробует, а там видно будет.

Интерлюдия

– Товарищ капитан, разрешите?

– Что у тебя, Костромин?

– Да тут и смех и грех, лейтенант Линевиц по доносу арестовал лейтенанта пехотинца, а тот такое отмочил, что хоть стой, хоть падай.

– И что такого сделал пехотный лейтенант?

– Линевиц по своей привычке попробовал выбить из лейтенанта признание кулаками, я, кстати, вам уже докладывал, что он силой выбивает признательные показания у задержанных, и в основном его дела это сплошная фальсификация, там и близко нет того, что он задержанным инкриминирует.

– Не отвлекайся, так что лейтенант?

– Хорошо, лейтенант не растерялся, сначала обезвредил двух наших бойцов, что по приказу Линевича стали выбивать из него признание, а затем скрутил и самого Линевича, после чего сам заставил его написать собственноручное признание на работу аж трёх зарубежных разведок: Германии, Парагвая и Уругвая.

Начальник Житомирского управления НКВД рассмеялся, когда это услышал, наконец отсмеявшись, он спросил:

– И что дальше?

– А дальше лейтенант позвонил мне, как непосредственному начальнику Линевича, и попросил подойти в его кабинет, а там картина маслом. Оба обалдуя, что были с Линевичем, связаны и привязаны к трубе батареи, сам Линевич без ремня, сидит на месте допрашиваемых, а пехотный лейтенант вальяжно развалился за столом Линевича. Но это так, самое интересное: наш дальнейший разговор. Сначала я, разумеется, выяснил, что произошло. Лейтенант только из училища, прибыл в часть, а там, как он сказал – тихий ужас. Короче, заручившись поддержкой ротного и комбата, лейтенант принялся поднимать физическое состояние бойцов своего взвода, в общем, гонял их и в хвост, и в гриву.

– Пока ничего особенного, конечно, неожиданно, лейтенант, похоже, ещё тот ухарь.

– Это да, вот только задумка у него очень интересная. Он хочет не просто поднять уровень физического состоя-

ния своих бойцов, а сделать из них элитное подразделение. Смесь из разведывательного, диверсионного и штурмового отряда. Не знаю, откуда это в нём, вот только и мы можем этим воспользоваться. Вспомните, инструктора по рукопашному бою мы уже сколько времени у начальства выбиваем? У нас только старший лейтенант Арефьев учит бойцов боксу и всё. А этот лейтенант, судя по всему, неплохой боец и может подтянуть наших олухов в рукопашном бое. У него есть несколько неплохих задумок, вот только сам их осуществить он сможет ещё очень не скоро. Тут мы и можем быть друг другу полезны. Мы помогаем ему пробить необходимое ему у его начальства, там, кстати, совсем немного, всего лишь строительство полосы препятствий и учебных строений, для отработки в них боя. Зато под это дело мы сможем направить ему отделение наших бойцов на обучение. Если у лейтенанта не получится, то мы в принципе ничего не теряем, он в любом случае маленько подтянет в физическом плане наших бойцов, зато если у него получится, то мы сможем подготовить для себя группу хорошо обученных бойцов. С этим позже можно будет выйти и на начальство, главное, можно будет предъявить им уже подготовленное подразделение. Затрат с нашей стороны никаких, зато выгода может быть большой.

– Звучит заманчиво, лейтенант далеко?

– В приёмной.

– Хорошо, зови его, хочу сам на него посмотреть.

Глава 3

18 июня 1937 года, посёлок Черняхов

– Бегом марш!

Привычно возглавляю колонну бойцов, сначала за мной бегут мои охламоны, а уже за ними полтора десятка бойцов НКВД. Те прибыли к нам на следующий день после моего разговора с комдивом. Разместили их в моей казарме, благо свободные места были. Пока строится по моим указаниям полоса препятствий и учебный городок, кстати, мои бойцы не строят, они тренируются, так вот, я гоняю своих гавриков с утра до вечера. К моему удивлению, бойцы НКВД оказались получше подготовлены, так, в первый же день они все осилили десять километров, правда, было у них несколько человек, кто с трудом пробежал, но всё же у моих бойцов в первый раз показатель был намного хуже. Сейчас они все уже уверенно пробегают эту дистанцию, так что скоро начну гонять их в полной боевой выкладке, с оружием и вещмешками с песком. Начал уже и понемногу показывать приёмы рукопашного боя и ставить им растяжки. На следующей неделе должны закончить со строительством, и тогда обучение пойдет по полной программе.

– Взвод, стой!

Мы в спортгородке, после десяти километров кросса бойцы лишь не очень сильно запыхались, сказываются усиленные тренировки. Теперь после получасового перекура у нас подтягивания и отжимания, а также поднятие тяжестей. Кстати, пытаюсь бороться с курением, конечно, так, не запрещаю, это уже явно будет перебор, но на мозги бойцам капаю, и об общем вреде здоровью, и о том, что им самим трудней тренироваться, и о том, что курильщика проще обнаружить в засаде. Да так оно и есть, и дело даже не в том, что бойца, который курит, может выдать огонёк папиросы, но и в том, что от него будет идти запах табачного перегара, который даже не собаки, а простые люди с чутким обонянием могут учуять. При благоприятном стечении обстоятельств и за пару десятков метров смогут учуять курильщика. Пока особых успехов в этом у меня нет, но надеюсь, до бойцов со временем дойдёт, и они всё же бросят курить. В той жизни я не курил, а в этой... Скуратов, оказывается, дымил, вот только я, попав в его тело, ни разу не испытал тяги к табаку.

Скоро начнутся занятия в учебном городке, надо будет пригласить на это мероприятие и капитана Костромина, кроме показа правильных действий при зачистке зданий, надо будет ещё одну свою задумку осуществить. Конечно, автомат Калашникова с промежуточным патроном, как вроде бы положено каждому порядочному попаданцу, я изобретать не

буду, а вот для начала ППС, да ещё с кое-какими усовершенствованиями продвинуть попробую. Уже есть автомат ППД, вот только особой популярностью он не пользуется; всю значимость автоматов наше руководство осознает только после финской кампании. Сейчас подходить к кому-либо с рассказами о значимости и необходимости автоматического оружия бесполезно. Да что там говорить, я к армии отношусь, а даже после финской войны перевооружением на автоматы в основном озаботился лишь Берия для частей НКВД и относящихся к ним пограничников. В армии только АВС-36 и СВТ – оружие дорогое, технологически сложное и достаточно капризное. Основная масса бойцов, набранных из крестьян, его не любили, за ним надо было ухаживать и следить. На этом фоне старая добрая трёхлинейка была проста и безотказна. И вот как мне, простому и зелёному лейтенанту, подтолкнуть этих дуболомов к правильному решению? Только через НКВД, заинтересовав их, а это я сделать смогу. Да, по сути, получается, что боец Печенков мне только подыграл, когда написал на меня донос в органы Житомира. Хорошее отношение с НКВД и, самое главное, их заинтересованность в моих планах, по крайней мере, тех, что на виду, дорогого стоит.

25 июня 1937 года, посёлок Черняхов

Комдив Коломиец смотрел на тренировки взвода бойцов

под командованием лейтенанта Скуратова, по прозвищу Малюта, а его прозвище от его бойцов распространилось уже по всей дивизии. За это время почти все бойцы успели увидеть постоянно тренирующихся бойцов его взвода. Или пробежки, или занятия в спортгородке, построенном рядом с их батальоном, но свободного времени у его бойцов практически не было, зато при редком общении с другими бойцами иначе чем Малютой они своего командира не называли. И вот сейчас взвод Скуратова вместе с прикомандированными к нему бойцами НКВД проходил полосу препятствий. Скуратов перед этим первый её прошел, наглядно показав своим бойцам, что нужно делать. Надо отметить, что получилось у него это быстро и ловко. У комдива сложилось такое впечатление, что он уже неоднократно её преодолевал. Следом за Скуратовым пошли его бойцы. То и дело они оскальзывались, но снова вскакивали и шли вперёд. Конечно, до Скуратова им ещё далеко, вот только посмотрев на это, комдив понял, что остальные бойцы его дивизии вряд ли смогут пройти эту полосу препятствий. За прошедшее время Скуратов уже основательно подтянул своих бойцов ежедневными занятиями физкультурой. И ведь вчера он подходил к нему в штаб с новой задумкой. Он захотел построить тропу разведчика. Пока Коломиец не дал ему ответа, решив для начала посмотреть, что получится из уже построенного, но, похоже, придётся идти лейтенанту навстречу, ведь если отказать, то он наверняка снова пробьёт это, но уже через НКВД. А ему

надо показывать себя в их глазах, как сующего палки в колёса их протееже? Гэбисты ведут свою игру, они просто решили загрести жар чужими руками, а вот и их капитан Костромин, лёгок на помине, помяни чёрта, так он и явится.

Действительно, к полосе препятствий подъехала чёрная «эмка», из которой вышел капитан Костромин. Увидев комдива, он пошел к нему.

– Здравствуйте, товарищ Коломиец. Ну как вам?

– Добрый день, да вот смотрю, интересно же, что получилось.

– И как?

– Сам Скуратов прошел полосу препятствий на отлично, а его бойцы так себе идут.

– Мои, я смотрю, ещё не проходили?

– Пока нет.

Скоро очередь дошла и до бойцов НКВД, и они, можно сказать, не посрамили своё ведомство, прошли полосу препятствий довольно неплохо, по крайней мере, наравне с армейцами. За это время совместных тренировок и занятий их уровень выровнялся, и теперь они везде шли не хуже пехоты, хотя дух соревнования в них был. После того, как все прошли полосу препятствий, к ним подошел и Скуратов.

– Здравия желаю, товарищ комдив.

– И как, по-твоему, полосу препятствий прошли твои бойцы?

– Для первого раза сойдёт, а так, конечно, плохо.

– Плохо, говоришь?

– Смирнов!

Комдив крикнул вестового.

– Живо сюда любой взвод!

Спустя минут двадцать к полосе препятствий прибежал взвод бойцов. Получив от комдива приказ, бойцы попробовали пройти полосу препятствий, и результаты оказались ниже плинтуса. Лишь меньшая часть взвода смогла её пройти и то с трудом. Полученный результат Коломийца не обрадовал. Это получается, что и остальные бойцы его дивизии покажут похожий результат. Прав лейтенант Скуратов, тысячу раз прав, когда говорил, что физическая подготовка бойцов дивизии отвратительна. А тут еще капитан Костромин, хотя он гадить не будет, но в любом случае надо что-то делать. Хотя что делать, и так ясно, надо поднимать физический уровень бойцов дивизии. Интересно, а как много командиров смогут пройти эту полосу препятствий.

– Лейтенант, ну что скажешь?

– А что тут говорить, товарищ комдив? Я ведь с самого начала об этом говорил. Пока не поздно, нужно поднимать в дивизии физическое состояние бойцов и командиров.

– А с твоей полосой препятствий?

– Вы сами видели, бойцам просто не хватает сил на её прохождение. Сначала надо дать им поднять своё физическое состояние и только тогда выпускать на полосу препятствий. Кстати, командирам тоже нужно подтянуть свое состояние

до необходимой кондиции, а то они должны быть вместе со своими бойцами. Не дело, когда командир требует от бойцов то, чего сам не может.

– Скуратов, а как насчет учебного городка? – это уже капитан Костромин вступил в разговор. Преодоление полосы препятствий он уже видел, больше его интересовал именно учебный бой в зданиях.

– А тут придётся учиться, как говорится, на ходу. Я пока даже теоретически с бойцами это не проходил, но кое-что у меня для тебя есть.

Как-то так незаметно, но они перешли с Костроминым на «ТЫ».

– Боец, винтовку!

Сюда мои бойцы пришли с оружием, вот только в первый раз проходить полосу препятствий с оружием я не стал. Ещё успеют, пускай с десятков раз так пройдут, а лишь потом станут сначала просто с оружием, а потом и с полной выкладкой, когда на них скатка с шинелью и вещмешок за плечами. Взяв у бойца винтовку, я позвал Костромина за собой. Мы зашли в первый дом, это было одноэтажное строение с помещениями внутри. Взяв винтовку на изготовку, я принялся показывать Костромину, как надо зачищать помещение. При этом демонстративно показывал недостаток длинного и, считай, однозарядного оружия. Вхолостую передёргивая и спуская курок, я наглядно показывал недостатки винтовок в городском бое, особенно в помещениях.

– Смотри, видишь, винтовка слишком длинная, а если ещё и штык будет пристёгнут, то тогда вообще будет не развернуться в помещениях.

– И что ты предлагаешь?

– Нам требуется новое оружие, компактное и скорострельное.

– Это ты про ППД говоришь?

– И про него тоже. Есть у меня одна задумка, так, прикинул в уме один автомат, только я не оружейник, принцип работы могу описать, а вот сделать сам не смогу. Идти к своему начальству тоже бесполезно, может, твоё сможет помочь. Вы в принципе как бы больше нас армейцев должны быть заинтересованы в нём. Всё же вы больше в помещениях и городах работаете, чем мы.

– Я, конечно, попробую, но ничего гарантировать не могу, но тогда с тебя чертежи.

– Чертежи не сделаю, а вот набросок, как и что должно быть без проблем.

– Сгодится. Отдадим Дегтяреву, пусть посмотрит.

– Тут лучше не ему, а кому другому, а Дегтяреву поручить переделать свой ручной пулемёт под ленточное питание, я тоже кое-что набросаю с пометками. Можно сделать пулемёт единым, там переделки минимальные, зато в армии он станет универсальным.

Костромин лишь внимательно на меня посмотрел, но ничего не сказал. Знаю, палюсь я на этом, но всё равно все свои

скелеты в шкафу я не спрячу. Слишком много от меня нового и такого, чего нигде в мире пока нет, так что будет под меня НКВД копать, будет. Сравнят Скуратова до меня и после и найдут массу различий, вот только доказать, что настоящего Скуратова подменили, не смогут. Есть у меня на теле одна примета, нет, не шрам, шрам и подделать можно, родимое пятно на плече. Так что тут НКВД ничего не обломится, но и оставлять это как есть тоже нельзя. Есть у меня один план, как осторожно слить часть информации о будущем и заодно объяснить все появившиеся несуразности в поведении Скуратова, меня то бишь. Только тут спешить нельзя, сначала надо показать, что пользы от меня слишком много, поэтому сразу хватать меня и пытаться нецелесообразно.

Капитан Костромин возвращался назад в Житомир очень задумчивым. Затея с лейтенантом Скуратовым пока работала. Показательное выступление его бойцов всего лишь после чуть более месяца интенсивных тренировок прошло на отлично. Даже их бойцы, которые начали тренировки чуть позже, показали отличный результат. Положа руку на сердце, если сейчас загнать на полосу препятствий бойцов его управления, то мало кто сможет с первого раза пройти эту полосу препятствий. Первое занятие в учебном городке также показало, что бойцов ещё учить и учить.

Случись реальный бой, и их потери будут большими, но откуда, чёрт возьми, это всё знает Скуратов?! Эх, встрясти бы из него это, но нельзя. Не тот он человек, главное, что

он хоть и скрывает источник своих знаний за отговорками, но не прячет их, а пытается поделиться ими и научить этому других. Нет, тут надо действовать по-другому, не спешить, а постепенно приручить его, насколько это возможно. Вот, например, сейчас обещал принципиальные схемы нового оружия, ну откуда их может знать простой пехотный командир, который к этому и близко не подходил?! Вопросы, вопросы, одни вопросы и никаких ответов, но он умеет ждать, и он подождёт.

Костромин уехал. Знаю, у него сейчас масса вопросов, на которые нет ответов, вот только я уже немного его узнал, он человек умный. Не то что этот дурак и карьерист Линевич, кстати, интересно, а что с ним, хотя, как мне думается, его попробуют куданибудь сплавить, подальше отсюда. Проводив Костромина взглядом, я пошел разводить комдива на тропу разведчика, она тоже нужна, полоса препятствий это для общего развития, а вот для спецназа нужна уже тропа разведчика. К тому же чувствую я, что после сегодняшнего представления, особенно когда комдив увидел реальную степень подготовленности своих бойцов, то в ближайшее время полоса препятствий будет занята с утра и до вечера. По крайней мере, уже хоть что-то хорошее я сделал, в любом случае комдив теперь с физподготовки не слезет, и хотя бы физически его дивизия скоро будет очень хорошо подготовлена, а там, глядишь, смогу и на боевую подготовку повлиять, особенно когда хоть немного своих гавриков натренирую.

25 июня 1937 года, управление НКВД Житомира

Начальник управления с интересом выслушал отчет капитана Костромина. Похоже, этот лейтенант действительно знает, что делает, причем знает и умеет гораздо больше, чем говорит и показывает. Одно только усовершенствование ДП с переводом его на ленточное питание чего стоит, а наброски нового автомата. Пускай, пока нет их чертежей, но судя по Скуратову, обманывать он не будет, вот только как его разговорить? Давить нельзя, не тот он человек, уже показал, что силой от него ничего не добиться. Похоже, что он не то что сдружился, но нашел общий язык с Костроминым, вот пускай капитан потихоньку и втирается к Скуратову в доверие. Но это на перспективу, а пока надо увеличить количество бойцов в обучении у Скуратова. Много, конечно, не выделить, у самих их не так много, но взвод, пожалуй, можно, под командованием младшего лейтенанта госбезопасности Углова. Вот, кстати, тот тоже молодой, только звание получил, может, тоже сойдётся со Скуратовым. Раз тот его тренировать с бойцами будет, то могут и подружиться.

– Позови ко мне лейтенанта Углова и можешь быть свободен, – приказал он Костромину, который всё это время, что его начальник думал, стоял рядом. Костромин вышел и от секретаря позвонил в казарму.

Углов оказался там и через десять минут уже входил в ка-

бинет начальника управления.

– Здравия желаю, товарищ капитан госбезопасности!

– Проходи, Углов. Ты у меня просился на дело, так вот, на дело я тебя пока не пущу. Так как ты не готов, но для тебя есть другое задание. Слышал уже про конфуз Линевича?

– Конечно, это у нас сейчас все сотрудники обсуждают.

– Вот и решил я тебя с бойцами направить учиться к тому лейтенанту. У него уже учится отделение наших бойцов, и они показали неплохие результаты в первом испытании. Я решил создать взвод отлично подготовленных бойцов для всех случаев. Командовать им будешь ты, но сам понимаешь, вначале надо научиться. И вот ещё что, постарайся сдружиться с лейтенантом Скуратовым и войти к нему в доверие. Да, он пока не дал поводов усомниться в его верности делу партии и товарища Сталина, но слишком много в нём загадок. Давить на него нельзя, мало ли что выйдет, а так он всё равно передаёт свои знания, но возможно, знает намного больше, и его задумки могут пригодиться уже сейчас. Тебе всё понятно?

– Так точно.

– Свободен.

26 июня 1937 года, посёлок Черняхов

С самого утра к нам снова приехал капитан Костромин и не один, кроме него был еще один командир и два десятка

бойцов. Короче, обрадовал он меня: к тому отделению, что уже занималось, добавляется ещё два десятка бойцов под командованием младшего лейтенанта госбезопасности Углова, а первое отделение также вливается в этот взвод. Вот такие пироги с котятами получаются – кроме моего взвода, теперь ещё и полнокровный взвод гэбистов. А с другой стороны, теперь они будут действовать друг против друга, по количеству голов практически сравнялись, просто в моем взводе почти на десяток бойцов больше. Похоже, начальство оценило уже первые результаты, в принципе это неплохо, как говорил горбатый Майкл, ни дна ему, ни покрышки – процесс пошел. Главное, что в нашей казарме еще были свободные места, но теперь, когда прибыло ещё два десятка душ, мест больше не осталось. Разбиваю всех гэбистов на три отделения, получилось ровно по двенадцать человек, сам Углов тридцать седьмой. А у меня сорок пять гавриков, получилось ровно по пятнадцать душ в отделении; вместе уже довольно прилично.

Начинать подготовку с нуля из-за прибывших я не собираюсь, они новенькие ребята физически более-менее подготовленные, так что догонят остальных в процессе тренировок. Дни замелькали один за другим, а я гонял своих подопечных. Теперь распорядок дня несколько изменился, тренировок стало немного меньше. Зато добавилась теория, в основном занятия проходили в учебном городке. Я учил бойцов правильно двигаться среди построек и в самих помещениях,

а также проводить их зачистки. Кроме этого, проходили занятия и по выживанию в лесу, а также поиск и распознавание следов, что проводил наш охотник. Ближе к вечеру я начал занятие по рукопашному бою. Тут, подумав, я решил не учить всему и сразу, а начать отработку наиболее действенных и нужных приёмов. Показав их несколько раз, затем заставлял бойцов их отрабатывать до автоматизма и только после закрепления приёма переходил к следующему.

Передав Скуратову пополнение, Костромин получил обещанные чертежи и уехал назад в Житомир, правда там кроме чертежей ещё оказалось задание на модернизацию ТТ и чертёж глушителя к нему. Он, разумеется, коротко глянул в них, но мало что понял.

Приехав в управление, он сначала отправился в техотдел к Никанорычу. Старый оружейный мастер всю жизнь проводился со стреляющими железками и кто как не он мог оценить творчество Скуратова, и он оценил.

– Павел Сергеевич! Это просто великолепно! Откуда у вас это?

– Что, действительно стоящая вещь?

– Потрясающе! Простота и технологичность!

– Спасибо, Никанорыч.

После этого Костромин поднялся к начальнику управления.

– Разрешите?

– Что у тебя, Костромин.

– Чертежи от Скуратова.

– И как?

– Только что показал Никанорычу, он просто в восторге от чертежей.

– Хорошо, можешь идти.

Костромин ушел, а начальник стал думать, как лучше преподнести чертежи вышестоящему начальству. Если отправить по инстанции, то неизвестно, сколько это займёт времени и чем закончится, поэтому, немного подумав, он отправил чертежи на Тульский оружейный завод под видом срочного заказа для Житомирского управления НКВД. В принципе, если что, всегда можно отговориться экспериментальным вооружением для экспериментального подразделения. Главное, что начальник Тульского НКВД его друг, так что можно позвонить и попросить помочь.

Месяц спустя

Достаточно уверенно преодолев полосу препятствий, оба взвода разделились. Бойцы моей роты заняли построики учебного городка, а бойцы НКВД стали его штурмовать. За всем этим наблюдал не только капитан Костромин, но и начальник Житомирского управления НКВД и комдив со своим штабом. Если полоса препятствий была видна отлично, то вот в учебном городке было хуже, но всё равно то и дело раздавались звуки взрывов учебных взрывпакетов из чер-

ного пороха. Обычная картонная трубка, набитая порохом, и небольшой запальный шнур со спичкой. Учебный бой закончился ничьёй, после чего оба взвода двинулись на тропу разведчика, а потом провели учебный рукопашный бой. В результате всё начальство осталось довольно увиденным. В качестве бонуса нам привезли новенькие ППС, ТТМ и десяток РПД.

Я даже сам не ожидал, что из моей затеи с оружием что-то выйдет. Конечно, надеялся, но не ожидал, что это произойдет так быстро, можно сказать, молниеносно. Я держал в руках новенький ППС, от оригинального его отличала дополнительная штурмовая рукоятка спереди и съёмный шумопламегаситель. Толстая трубка длиной пятнадцать сантиметров полностью скрывала пламя выстрела, что, во-первых, не демаскировало стрелка, а во-вторых, не слепило его самого, когда он стрелял в темноте. Кроме того, частично глушился и рассеивался звук, так что при применении оружия была очень низкая заметность, а если ещё использовать специальные патроны с дозвуковой скоростью, то выйдет практически полностью бесшумное оружие.

Не знаю, чего это стоило НКВД, но они это сделали. Модернизированные ТТ тоже оказались на высоте. Чуть более удобный наклон рукоятки, двурядный магазин на шестнадцать патронов и простейший предохранитель, который, однако, теперь позволял спокойно носить пистолет с патроном в стволе, не опасаясь непроизвольного выстрела. Были

и нарезы на конце ствола, что позволяло привинтить к нему глушитель. Вкупе с новыми специальными патронами с увеличенной пулей и уменьшенной навеской пороха теперь сам пистолет громче лязгал затвором во время выстрела, чем сам звук выстрела.

Кроме этого, Костромин привёз и ножи, которые, правда, сделали уже здесь, в Житомире. Отлично сделанные, по моему рисунку, они удобно ложились в руку и были хорошо откованы. Кроме оружия было необходимо и другое снаряжение, так же как и новое обмундирование, но это можно было выбить только после того, как я покажу товар лицом, то есть действие моего взвода. Ручники тоже удались на славу, а кроме того, в комплекте с ними шли и переносные треноги, с помощью которых пулемёт превращался в станковый. Главное, что вес треноги был всего в полтора килограмма, самое то и для пехоты, и для нас. Новое оружие, кстати, заинтересовало и моё начальство, и оно с интересом его изучало. Тут же его и отстреляли, после чего распределили среди бойцов. Кстати, мне пришлось выдержать небольшой спор с Костроминим, когда я отстаивал перед ним необходимость второго оружия для бойцов, которым должен был стать новый ТТ с глушителем.

После показательного выступления, когда мои бойцы отлично прошли полосу препятствий, затем тропу разведчика и под конец провели рукопашный бой, всё начальство осталось очень довольным, и тогда я, не отходя от кассы, решил

пробить новое обмундирование, более или менее приближенное к современному. Кроме того, и маскировочные наклейки, наподобие «лешего». Вот теперь моё подразделение начинало походить на спецназ моего времени, ещё, конечно, им учиться и учиться, да и по экипировке ещё проблемы, но надеюсь, в течение короткого времени они будут решены.

После выступления все вместе изучаем новое оружие, вернее это мои бойцы изучают, я, кроме нового ТТ, его прекрасно знаю. После разборки-сборки идем на стрельбище и отстреливаем его. Все бойцы довольны, в ходе тренировок они уже успели намучиться с карабинами, да, вместо винтовок их вооружили карабинами, и хотя они немного короче винтовок, но всё равно слишком длинные для боя в помещении. Не спорю, «калаши» подошли бы намного лучше, но чего нет, того нет, и изобретать его я пока не буду, так как лучшее враг хорошего. ППС более дешев и технологичен, чем «калаш», да и проблем с патронами не будет. Кстати, в оригинале РПД тоже стреляет промежуточными патронами, но пока их нет, надеюсь, и старыми трехлинейными будет хорошо стрелять. Теперь можно и слегка измененный СКС дать Костромину. Так винтовка отличная, но вот отсутствие магазинного заряжания её портит. Тут я это исправлю, и надеюсь, что он и старыми винтовочными патронами будет нормально стрелять, он ведь тоже под промежуточный патрон сконструирован. Сейчас есть АВС-36 Симонова, в принципе довольно неплохая винтовка, вот только дорогая и нетехно-

логичная, а ещё, если из неё стрелять не одиночными, а очередями, то её клинит, всё же патрон слишком для неё мощный. СКС стреляет одиночными, так что, думаю, клинить не будет, зато плотность огня значительно выше, да и двухрядный магазин позволит сделать её двадцатизарядной.

Глава 4

Телефонный разговор, оставшийся за кадром

– Привет, узнал?

– Конечно.

– Я чего звоню, на заводе все в полном восторге от твоих чертежей и того, что получилось. Начальство хочет наградить автора чертежей, да и познакомиться с ним тоже.

– Не выйдет.

– Что, неужели автора больше нет?

– Почему, есть, жив и здоров, чего и нам, надеюсь, желает.

– Тогда почему? Его наградить хотят.

– Он свою награду уже получил.

– Какую?

– А оружие, которое вы для нас по его проекту сделали. Сейчас оно у нас пройдет проверку, и я подам наверх рапорт.

– А как насчет авторства? Заводские очень этим интересуются.

– Пусть на себя оформляют, я говорю, нашего человека интересует само оружие, а кто и как его выпустит, неважно.

– Кто он, если не секрет?

– Армейский лейтенант.

– Тогда почему ты со своим управлением тут замешан?

– Потому что он тренирует для нас взвод моих бойцов вместе со своими.

– Чему?

– Приезжай к нам и сам увидишь.

– А на словах?

– Группу специального назначения для силовых действий в любых условиях.

2 октября 1937 года, посёлок Черняхов

Снова показательное выступление, вот только для нового начальника Житомирского управления НКВД. Вместо старого прибыл новый, капитан государственной безопасности Лаврентий Трофимович Якушев. Учитывая то обстоятельство, что прошло уже более двух месяцев, то и подготовка бойцов при интенсивном обучении возросла, так что для этого времени они очень неплохо прошли полосу препятствий и тропу разведчика, а затем провели учебный бой в помещениях и напоследок рукопашный бой на плацу. Высокое начальство осталось нашим выступлением довольно, а значит, можно продолжить выбивать из него плюшки. Совместными усилиями нашей дивизии и НКВД смогли пробить в небольшой местной швейной фабрике, что, откровенно говоря, больше походила на большую мастерскую, пошив новой формы и маскировочных накидок, но это на лето, а ведь скоро зима и тогда понадобятся белые маскхалаты. Кроме этого, напрягли шорников, и у нас появилась необходимая снаряга в виде разгрузок и ременных систем под оружие и

амуницию. Вот теперь, по крайней мере внешне, мои бойцы уже более или менее походили на спецназ моего времени. Заказал я и лыжи, в дивизии, как оказалось, не было ни одной пары лыж. Сейчас, пока нет снега, мы бегаем, но как только он выпадет, перейдём на лыжи, которые тоже покрасим в белый цвет. Чувствую, что именно моё подразделение станет родоначальником биатлона в СССР. Точно я, конечно, не знаю, но вроде его пока ещё тут нет. А чтобы он лучше пошел, устройю соревнование, две команды, мои орлы и приданные гэбисты, вот пускай и соревнуются между собой, как в настоящем биатлоне. Я это, кстати, люблю, если так, к спорту я был равнодушен, то биатлон всегда смотрел с удовольствием, вот и тут сделаю и буду смотреть уже не по зомбоящику, а вживую.

Кстати, регулярные стрельбы тоже сделали своё дело, стрелять бойцы стали намного лучше. А я пока думаю, как лучше подкинуть идею снайперских и антиснайперских подразделений. Надо, кстати, антиснайперскую винтовку калибра 12,7 миллиметра сделать, вот только тут я уже пас. Пусть попробуют сделать на базе СКС, но, разумеется, с указанным мной калибром и отъемным десятипатронным магазином, хотя, возможно, и меньшим, на восемь или шесть патронов. Калибр всё же более крупный, а магазин должен быть относительно компактным, но это уже к разработчикам.

А так жизнь идёт своим чередом, и у меня нет ни минуты свободного времени, тренирую и гоняю своих гавриков и в

хвост, и в гриву, но и результат налицо. В принципе для этого времени уже очень хорошо подготовленное и экипированное подразделение.

18 октября 1937 года, посёлок Черняхов

После десятикилометрового кросса в полной боевой выкладке мы подбегаем к нашему стрельбищу. От стандартного его отличают: во-первых, мишени, они не обычные щиты с кругом и крестовиной, а в виде человеческих фигур, различных – и ростовых и низких, как будто противник в окопе. А во-вторых, мишени не закреплены намертво, от попадания в них пули падают, тем самым имитируя поражение противника выстрелом. Чем не биатлон, сначала бег, а затем стрельба. Сейчас бойцы стреляют уже более или менее, и это после пробежки, когда дыхание сбито, а не в спокойной обстановке. Пока так, а затем я добавлю ещё и взрывы взрывпакетов, для того, чтобы бойцы привыкли к тому, что в любой момент рядом что-то может взорваться, и не шугались этого. Вечером курс вождения, комдив выделил две «полуторки» и один «сахар», и от НКВД еще две «полуторки», тут всё расписано наперёд и свободные бойцы занимаются индивидуально на спортплощадке или отрабатывают рукопашный бой. Многому я, конечно, их за это время не научил, но с десятков наиболее необходимых приёмов они уже выдают на автомате, а на очереди ножевой бой. Если хватит времени,

научу их многому, вот только думаю, скоро нас куда-нибудь кинут для проверки наших знаний и умений, а также оценки необходимости нашего существования.

Вечером ко мне пришел Углов, с бутылкой. Хотя он и старался держаться как обычно, но мне была понятна причина его появления с бутылкой водки. Мы уже достаточно долго тренируемся вместе, просто Углов в первый же день подошел ко мне и попросил меня начать с ним индивидуальные занятия по рукопашному бою. Его интерес понятен, а я и не возражал, бой с тенью это бой с тенью, всегда лучше тренироваться со спарринг-партнёром, пускай Углов ещё ничего не знает и не умеет, но главное, есть желание учиться и тренироваться, а знания придут. За эти пару месяцев он неплохо подтянулся, а мы сблизились. Впрочем, я не обманывался, рупь за сто, Углову поручили втереться ко мне в доверие, но и меня это в принципе устраивало, и вот, похоже, он решил активизироваться и попытаться хоть что-то узнать от меня во время пьянки. Так я не пью, не любитель, хотя могу посидеть в компании, разве что пиво выпить или хорошее вино, но тут, скажем так, наши интересы совпали. Я получал хороший шанс слить часть информации НКВД, причём так, что они сами будут молчать об этом, так как иначе их начальство подумает, что они с ума спятили.

Первую бутылку мы уговорили быстро, причём пили наравне, затем Углов сбегал и скоро принёс ещё две, думаю, они у него были приготовлены заранее, и вот теперь он в

основном подливал мне, а сам пил очень мало. А я что? Я стал ему подыгрывать и скоро изображал очень хорошо подпившего, и вот тогда Углов стал осторожно выспрашивать меня, откуда я всё это знаю. Разумеется, трезвому мне он это не сказал, да и слегка подпившему тоже, а так я был для него очень навеселе. Ещё вначале, когда только он принёс бутылку, я понял, чего он хочет, и тоже предпринял кое-какие меры, в частности, съел пару бутербродов, которые намазал очень толстым слоем масла, да и закусывал жирной тушенкой, причем старался в основном есть не мясо, а мягкий и душистый жир. Конечно, это от опьянения не спасёт, но замедлит всасывание алкоголя в кровь, а потом, когда выпили вторую бутылку, я сходил в туалет, благо он был на улице, а там быстро вызвав у себя рвоту, очистил желудок. В результате было лёгкое опьянение, когда я четко всё осознавал, зато внешне был сильно пьян, вот в таком состоянии и начался у нас, наверное, самый главный разговор.

– Знаешь, Игорь, я вот никак понять не могу, ты ведь тоже только из училища, ещё не служил, так откуда ты всё это знаешь? У меня такое ощущение, что ты уже лет десять оттянул в армии, не меньше, и не простым пехотинцем, а в разведбате.

– Артём, тебе лучше этого не знать.

– Такой большой секрет?

– Да какой к чертям собачьим секрет, просто скажи кому, откуда всё это, так не поверят, психом назовут, да и я сам,

не случись это со мной самим, тоже посчитал бы бреднями психбольного. А самому уже хочется на стену лезть от всего этого.

Углова это не на шутку заинтересовало, что такого могло произойти со Скуратовым, что он так говорит.

– А ты мне скажи, глядишь, легче станет, иногда надо просто поделиться проблемой с другом. Мы ведь друзья?

– Друзья! Только думаю, и ты скажешь, что я умом тронулся, так как в такое просто невозможно поверить.

– А ты скажи, а я уже сам решу, верить или не верить.

– Ну смотри, Артём, ты сам захотел. Я когда сюда приехал, то чуть не погиб, на станции электрик, алкаш чёртов, плохо кабель электрический закрепил, вот он на меня и упал. Очнулся я, когда мне искусственное дыхание делали, и в первый момент даже не понял, кто я и где нахожусь, потом только в себя пришёл.

– И что?

– А то! Мне после этого каждый день сны сниться стали, а там такое!

– Что может быть такого в снах?

– В обычных ничего, а эти... я даже не знаю, как их называть. Короче, в них мне снился я сам, только не зелёный лейтенант Скуратов, а гвардии генерал-полковник, заместитель командующего войсками специального назначения.

Я решил не мелочиться, хотя в прошлой жизни, думаю, вряд ли вырос бы выше полковника, но тут, как говорится,

каши маслом не испортишь.

– Сам вначале не поверил, но убедили.

– А почему гвардии?

– В 1943 году товарищ Сталин возродит боевые традиции Русской армии, введет погоны, обращения солдат и офицер, а также гвардию. Вот я сам и начал показывать, что меня и всю нашу страну ждёт – и это страшно, это очень страшно! После того, что я, будущий, показал себе настоящему, делаю всё, чтобы как можно лучше подготовиться к предстоящей войне.

– А что за война?

– С Германией, продлится почти четыре года, и хоть мы и победим, половина страны будет лежать в руинах, а мы потеряем около двадцати миллионов человек. И я пройду всю эту войну от первого до последнего дня. Начну ротным, закончу полковником, начальником группы специального назначения фронта. Вот только путь этот будет страшен и кровав. Сначала отступления под непрерывными бомбёжками с воздуха, так как большинство наших самолётов уничтожат на аэродромах в первый день войны. Постоянные окружения и прорывы из них, потом битва за Москву, когда в первый раз хваленый немецкий вермахт получит по зубам. Потом два года тяжелейших боев, когда наша армия будет учиться в боях, и затем медленное отбирание нашей территории назад. А потом освобождение других стран и добивание фашистской гадины в её логове. Вот только самое страшное было, когда

мы концлагеря освобождали, я сам лично в будущем освобождал сначала концлагерь Освенцим, а затем Бухенвальд, и это было страшно, я и подумать не мог, что такое будут творить с людьми. Целые склады, заполненные человеческими волосами для матрацев или кож, из которой делали кожгалантерею. Представь себе перчатки, ремни, сумочки, бумажники, абажуры для ламп, сделанные из человеческой кожи. А когда мы освобождали узников, особенно детей, то мне хотелось плакать. Это были просто ходячие скелеты с огромными глазами, знаешь почему? Просто организм сжигает всё что можно, и хоть мы освободили этих детей, но они уже были мертвы, понимаешь, мертвы, и мы ничем не могли им помочь, потому что их организмы уже не принимали еду, и они все были обречены. Они ещё ходили, говорили, но уже были мертвы, так как им оставалось жить считанные дни. В этих лагерях людей сначала травили в газовых камерах, а потом сжигали их тела в печах крематориев.

Я с силой стукнул кулаком по столу и, налив себе стакан водки, залпом его выпил. Да, в реальности я не был там лично, но видел документальные фильмы и фотографии и сейчас чувствовал себя, как будто я сам лично там был. И в этот момент я ничуть не играл, особенно если учесть, что половина моей родни погибла во время Великой Отечественной войны, то мои чувства были настоящими, да думаю, любого нормального человека это заставит содрогнуться.

– Меня потом после этого долго кошмары мучили, а

эсэсовцев и солдат охранных дивизий мы резали, всячески старались при соприкосновении не застрелить их, а своими руками их выпотрошить, чтобы они долго и мучительно подыхали. Знаешь, после того как пару десятков этих нелюдей лично зарезал, стало отпускать.

Углов неверяще смотрел на меня, и я мог его понять, действительно, поверить в рассказанное мной было просто невозможно. Именно поэтому я и подгадывал подходящий момент, и попытка Углова меня напоить подошла просто идеально для этого. Вот только он, похоже, не особенно этому верил.

– А методики обучения и схемы оружия, так это то, что было разработано во время войны.

Лейтенант Углов слушал и отказывался верить услышанному, так как это было совершенно нереально, но Скуратов говорил эмоционально, а выпил он уже много. Сейчас приканчивали третью бутылку водки, и только первую они выпили наполовину, дальше он в основном подливал её Скуратову, а сам только делал вид, что пьёт. Вот и что теперь думать после услышанного? Прав был Скуратов, что никто не поверит в его историю, но, черт возьми, сказал он правду или напридумывал это всё, как понять? И тут Углова осенила идея, как ему показалось, гениальная. Придумать действительно можно многое, но вот песни, если это действительно с ним произошло, то он должен знать песни, которые будут петь и именно об этой войне.

– Слушай, Игорь, а какие были песни?

– Хорошие.

– А об этой войне?

– О войне? Ладно, слушай, только сам понимаешь, певец из меня ещё тот.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идет война народная,
Священная война!

Углов, казалось, весь превратился в слух, хотя певец из меня действительно так себе.

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!
Не смеют крылья черные
Над Родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!
Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

А после следующих слов Углова тоже торкнуло, ибо слова песни действительно брали за душу.

Вздыхнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой:
«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.
Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил – солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»
Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

А напоследок вот тебе стихи!

Сорок первый далёкий, сорок первый неблизкий,
Вновь мне чудится голос батальонной связистки.
Снова голос кричит мне в телефонную трубку:
«Сокол! Я Незабудка. Сокол! Я Незабудка.
Весь огонь батареи —
По квадрату семнадцать,
Сокол, милый, скорее:
Могут танки прорваться».

Сорок первый далёкий, сорок первый суровый,
Помню жаркую битву у развалин Ростова
Снова голос кричит мне, вновь становится жутко:
«Сокол! Я Незабудка. Сокол! Я Незабудка.
Командира убили,
Бейте, Сокол, по штабу,
Нас враги окружили,
Не жалейте снарядов».

Сорок первый далёкий, сорок первый неблизкий,
С той поры не встречал я той девчки связистки.
Только верю упрямо – снова крикнет мне трубка:
«Сокол! Я Незабудка. Сокол! Я Незабудка»².

Не знаю, как я смог спокойно произнести эти стихи, а вот

---

² Незабудка, я Сокол. Феликс Лаубе.

Углов откровенно плакал.

– Ну что, Артём, как тебе песни, хватит или ещё хочешь послушать?

Наверное, с полминуты Углов молчал, а затем спросил:

– А какая твоя любимая?

– Разумеется, эта!

День Победы, как он был от нас далёк,
Как в костре потухшем таял уголёк,
Были версты, обгорелые, в пыли,
Этот день мы приближали как могли.
Этот День Победы
Порохом пропах.
Это праздник
С сединою на висках,
Это радость
Со слезами на глазах,
День Победы,
День Победы,
День Победы...

Теперь Углов окончательно убедился, что Скуратов не врёт, ну не мог он просто так написать такие песни, для этого надо было самому пережить эту войну. Вот только как это кому сказать, ведь не поверят, ну невозможно в такое поверить! Прав он, сочтут сумасшедшим, но рассказать это начальству он обязан, а там пускай оно само решает, что с этим делать. Пока он об этом думал, Скуратов, положив голову

на стол, заснул. Едва растолкав его, Углов, придерживая, довел его до койки, куда и сгрузил пьяного собеседника. Тот, только рухнув на койку, тут же захрапел, и Углов спокойно пошел к себе. Послезавтра выходной, и он спокойно сможет съездить в Житомир, где поговорит с капитаном Костроминым.

Я тоже остался доволен состоявшимся разговором, вроде не прокололся и достоверно сыграл пьяного, зато слил важную мне информацию НКВД и под таким соусом, что в принципе ко мне не придраться. Теперь остаётся ждать, когда Углов сообщит об этом своему начальству, а сейчас завершающая стадия, я положил голову на стол и действительно через минуту заснул. Время уже позднее, и мне, разумеется, хотелось спать, а тут ещё и водка, приличное количество которой мне пришлось снова выпить.

Потом Углов меня поднял и помог добраться до моей койки, куда я с облегчением рухнул и тут же снова заснул.

*20 октября 1937 года,
Житомир, управление НКВД*

Младший лейтенант Углов приехал в управление НКВД Житомира к полудню, капитан Костромин был на месте, и он сразу отправился к нему на доклад.

– Разрешите, товарищ капитан?

– А, Углов, проходи, что хотел?

– Мне вчера удалось подпоить Скуратова и вывести его на разговор.

– И как? – с неприкрытым любопытством спросил его капитан Костромин.

– Честно говоря, это совершенно невероятно и звучит дико. Поверить в это просто невозможно, но, похоже, это правда.

– Заинтриговал! Давай говори, что там Скуратов наговорил.

– Всё началось по его прибытии сюда, на железнодорожной станции его ударило током, я специально сегодня утром заехал и проверил, всё так и есть. Начальница станции перепугалась, когда на Скуратова упал плохо закреплённый провод под напряжением, он потерял сознание, и его сердце перестало биться, но начальница станции сумела его откачать.

– Интересно, а дальше?

– Вот после этого, по словам Скуратова, ему и стали сниться сны, а там он сам, только постаревший, который показывал ему предстоящую войну...

Углов не успел договорить, капитан Костромин его перебил.

– Когда, с кем?!

– По словам Скуратова, война начнётся летом 1941 года с Германией, и хотя мы победим, но наши потери будут катастрофические. А все его знания и умения – это его собственные, которые он получил во время этой войны, и снился ему

он сам, но уже гвардии генерал-полковник, заместитель командующего войсками специального назначения.

– Теперь, похоже, всё сходится... – задумчиво проговорил Костромин. Ну не может обычный лейтенант, только после училища, знать и уметь то, что знает и умеет Скуратов. И ведь он прав, попробуй поверь в такое.

– Я вначале подумал, что он мне сочиняет, а потому попросил его спеть песни из будущего.

– И как, спел?

– Спел, и такие песни просто так не придумать, это действительно надо пережить. Он такие ужасы рассказывал, что жуть берёт. Про лагеря смерти, про то, что немцы из человеческой кожи кожгалантерею шили, и как он, и его бойцы после этого лично резали солдат охранных дивизий и охрану этих лагерей, не стреляли, а именно резали, своими руками, чтобы чувствовать их смерть.

– Да, такое начальству не доложишь, не поверят и тебя самого сумасшедшим посчитают.

– Вот поэтому он ничего и не рассказывал.

– Нашему начальнику всё равно придётся рассказать, а вот дальше, думаю, не стоит. Тренирует он для нас бойцов, вот пускай и дальше тренирует.

После ухода Углова Костромин отправился на доклад к капитану Якушеву. Тот, молча выслушав доклад Костромина, задумался. Всё это на первый взгляд выглядело мистификацией, но негласная проверка подтвердила – это действи-

тельно лейтенант Скуратов. Вот только рационально объяснить его знания и умения было невозможно, а вот за время своей службы он один раз столкнулся с чертовщиной, по-другому это было не объяснить. И Костромин прав: сообщать об этом вышестоящему начальству не стоит. Главное, что Скуратов сейчас всю использует свои знания и опыт для обучения бойцов, своих и НКВД, а значит, пускай и дальше учит. Пока им не заинтересуется начальство, лучше не привлекать к нему лишнего внимания, а там видно будет.

Но тут Якушева словно торкнуло, он просто взглянул на эту ситуацию с другой стороны и понял, если начальство узнает об этом, то уничтожат не только Скуратова, уничтожат всех, кто с ним контактировал. Если Скуратов не врет, то какой компромат он знает на начальство, а с кем он поделился? Уничтожат всех!

– Костромин, лично предупреди Углова: обо всем, что он узнал от Скуратова, никому ни слова, иначе нас уничтожат, всех уничтожат, и не вздумайте снова его расспрашивать!

26 февраля 1938 года, посёлок Черняхов

По заснеженной дороге через поля двигалась небольшая колонна: две чёрные «эмки» и грузовик с охраной. До места назначения уже оставалось всего несколько километров, когда внезапно сугробы, наваленные вдоль дороги, ожили. В шедшую первой «полторку» с бойцами забросили неболь-

шой предмет, который и взорвался с очень яркой вспышкой и сильным грохотом. От неожиданности грузовик слетел с дороги и уткнулся в высокий сугроб, после чего и заглох. Обе «эмки» тоже встали, и в тот же момент с обеих сторон дороги к ним метнулись фигуры во всём белом. Мгновение, и дверцы машин распахнуты, а в лицо опешившим пассажирам уже смотрят стволы автоматов.

Сначала в себя пришел ехавший в первой легковушке нарком внутренних дел Украинской ССР, комиссар государственной безопасности 3-го ранга Александр Иванович Успенский. Он уже только собрался произвести разнос всем присутствующим, как вдруг фигуры в белом встали по стойке смирно, а одна из них, стянув с лица белую вязаную маску, отрапортовала:

– Товарищ комиссар государственной безопасности третьего ранга, разрешите доложить!

Опешивший от такого резкого перехода Успенский машинально кивнул и сказал:

– Докладывайте.

В этот момент ехавший во второй машине начальник Киевского военного округа, командарм 2-го ранга Тимошенко вылез из своей машины. Ему никто не мешал, он сначала тоже хотел устроить разнос, но чуть опоздал и теперь тоже слушал доклад неизвестного.

– Товарищ комиссар государственной безопасности третьего ранга, разведывательно-диверсионная группа «Зэта»

успешно провела учебный захват командования округом.

– Вы тут что, совсем в своём медвежьем углу рехнулись?! Решили, что начальство отличный объект для учёбы? Да я вас за такое!..

– Нет, товарищ комиссар государственной безопасности третьего ранга, просто лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, а собственный опыт ещё больше сделает человека объективным. А теперь представьте, что вместо вас ехал командный состав потенциального противника. Я, конечно, прошу у вас прощения за это, но зато сейчас вы лично смогли увидеть, чего стоят мои бойцы.

– А если я тебя сейчас под трибунал отправлю, а твою группу расформирую?! Что тогда будет?

– Наша армия лишится зародыша подразделения специального назначения. Со временем, конечно, снова возродят, вот только много времени потеряют и позже много крови за это заплатят.

Уже немного остывший Успенский спросил:

– И кто это всё придумал?

– Я, товарищ комиссар государственной безопасности третьего ранга, командир разведывательно-диверсионной группы «Зэта», а также командир третьего взвода третьей роты второго батальона 137-го стрелкового полка лейтенант Скуратов. Собственно говоря, именно мой взвод и есть группа «Зэта», это кроме прикомандированных ко мне бойцов НКВД.

Тут Успенский еще больше удивился.

– Почему наши бойцы прикомандированы к твоему взводу?

– Для обучения. Прежний начальник НКВД Житомира распорядился, захотел получить в своё распоряжение отлично подготовленное для разнообразных заданий подразделение. А я получил спарринг-партнёров для своих бойцов, здоровая конкуренция. В итоге все довольны, да и мне стало легче свои идеи в штабе полка и дивизии проталкивать.

– А что ещё умеют твои бойцы?

– Основное направление их деятельности – это разведка, различные диверсии в тылу противника, уничтожение и захват командного состава. Пример захвата мы только что вам продемонстрировали.

– А если бы нас сопровождали бронев автомобили?

– В реальном бою никаких дополнительных сложностей, в учебном, конечно, сложнее.

– Это ещё почему?

– Так свои же, калечить и убивать нельзя, а нам проще бронев автомобиль подорвать, чем его захватить, и при этом никого не ранить.

– Ладно, поговорим в штабе дивизии. Прибудете туда.

– Мы с вами.

– Так мы на машинах.

– А мы на лыжах, поверьте, быстрее двадцати километров в час вы не поедете, а мы вполне можем держать эту ско-

рость.

Совместными усилиями грузовик вытолкнули назад на дорогу, и колонна поехала дальше, а бойцы заскользили на лыжах вдоль дороги и действительно не отставали от машин.

Глава 5

26 февраля 1938 года, посёлок Черняхов

Того времени, что они ехали до штаба дивизии, вполне хватило, чтобы и Тимошенко и Успенский успели успокоиться. Они оба думали одинаково, конечно, в первый момент готовы были рвать и метать, но как только они успокоились, то оба поняли открывшиеся перед ними перспективы. Иметь такие подразделения в своем составе совсем нелишне, особенно если учесть, какие задачи они смогут выполнять. Если этот лейтенант действительно понимает, что делает, и готовит хороших диверсантов из обычных бойцов, то это надо сначала проверить, а потом, если подтвердится, то и возглавить. Правда, похоже, придётся его использовать совместно. Успенский прекрасно понимал, что армейцы его не отпустят и вцепятся в него мёртвой хваткой, но не будут против совместного обучения бойцов РККА и НКВД. А Тимошенко понимал, что если особистов заинтересует лейтенант Скуратов и его методика обучения, а так, похоже, и есть, раз у него сейчас обучается взвод бойцов госбезопасности, то по-любому ему придётся с ними сотрудничать. Да и лейтенант прав с конкуренцией, когда она между своими в подразделении

это одно, а когда подразделения разные, это совсем другое. Действительно будет дополнительный стимул в обучении.

Всё это время бойцы лейтенанта Скуратова, не отставая от машин, бежали на лыжах вдоль дороги. В распоряжение дивизии они прибыли одновременно.

– Лейтенант! – окрикнул Скуратова Успенский. – За мной!

Бойцов отпустили, нечего им тут на морозе мёрзнуть. Неизвестно ещё, как долго Скуратова будут мурыжить в штабе, а бойцы что, всё это время мёрзнуть должны? Если будет надо, то они в течение пяти минут построятся, а пока пусть в казарме отогреются.

Лейтенант послушно двинулся за Успенским и Тимошенко к штабу.

Тимошенко и Успенского у дверей штаба встречал лично начальник дивизии.

– Здравия желаю, товарищ командующий! – поздоровался с приехавшим начальством Коломиец.

– Здравствуй, Трофим Калинович, значит, это твой орёл нас встретил по дороге к тебе?

– Лейтенант Скуратов натворил что, товарищ командующий?

– Да как сказать, даже и не знаю, казнить или миловать, наказывать твоего лейтенанта или награждать.

– А что он натворил? – При этом Коломиец показал Скуратову кулак.

– Да понимаешь, захватил в плен командующего округом и наркома Украинской ССР.

– Что-о?!.. Да я его!!

– Не горячись, Трофим Калинович. Давно у тебя этот орёл служит?

– С прошлого лета, как из училища выпустился, так и служит.

– Нарекания по его службе есть?

– Нареканий нет. Подтянул физическую подготовку своего взвода, организовал постройку учебного городка, полосы препятствия и тропы разведчика. Глядя на него, и другие подразделения подтянули свою физическую подготовку.

– А его группа «Зэта»?

– Это он вначале стал готовить из бойцов своего взвода специальное подразделение, я препятствовать этому не стал, самому интересно, что у него получится. К тому же всё на пользу дивизии идёт, а потом про это узнали в Житомирском управлении НКВД и попросили и их бойцов так же подготовить. Вот считай полгода он и гоняет с утра до вечера свою группу. Надо признать, результаты просто отличные, сейчас это самые подготовленные бойцы дивизии, считай разведвзвод. Конечно, им ещё учиться надо, но даже уже сейчас вполне потянут дивизионную разведку.

– А что входит в подготовку? – вмешался в разговор Успенский.

– Общая физическая подготовка, рукопашный бой,

стрельба, вождение различной техники, чтение следов, ориентирование в лесу и общий курс выживания на подножном корму, минно-взрывная подготовка, тактика ведения боя в городских условиях и в помещениях, захват «языков», первичная радиоподготовка, конечно, морзянкой переговариваться не смогут, но в режиме голосовой связи разберутся со всеми нашими рациями.

– Вижу, что лейтенант Скуратов, похоже, в этом преуспел, по крайней мере, в захвате «языков» точно. – Усмехнулся Тимошенко. – Лейтенант, можешь показать нам, что умеют твои бойцы?

– Могу, товарищ командующий. Давайте пройдем к полигону, там мои бойцы и покажут вам, что они умеют.

Как я и говорил, через пять минут бойцы построились перед штабом. Глядя на них, даже и не скажешь, что сейчас идет 1938 год. На всех белые маскировочные балахоны и белая же зимняя разгрузка поверх них, на головах каски в матерчатых чехлах, также белых, а под каской двойные вязаные шапки из шерсти. Оружие тоже, там, где можно, закрыто белыми бинтами, а на коленях и локтях наколенники и налокотники, тоже в белых чехлах. Именно они и вызвали главный интерес у Тимошенко.

– Орлы! Ничего не скажешь, смотрятся твои бойцы, конечно, превосходно и необычно, да. Вот только что это у них на коленях и локтях надето?

– Это, товарищ командующий, наколенники и налокотни-

ки.

– Что-то я не припомню, чтобы по уставу это было положено.

– Товарищ командующий, а устав это не физическая константа.

– А это тут при чём?

– Так это физические константы неизменны, как был литр воды миллион лет назад литром воды, так и через следующие миллионы лет им и останется, и секунда не изменится, а устав он ведь по мере развития вооружения и воинского дела меняется. Мы ведь сейчас служим не по уставу Петра Первого, по мере совершенствования вооружения меняется и тактика, а вместе с этим и устав. Наколенники очень полезны в городских боях. Это в лесу или поле, если возникнет необходимость, можно быстро упасть на колено и то не везде, а в городе или здании, упадешь на колено, а потом двигаться не сможешь, а так бойцы могут без опасения падать на колени, при этом их не повредить.

– Это у тебя просто нашлёпка?

– Не совсем, снаружи из твёрдой кожи, затем ватный подбой и брезент. Твёрдая кожа хорошо защищает колено от камешков и других твёрдых предметов, а ватный подбой смягчает удар, в результате повредить колено при падении невозможно. Также и налокотники, в комплекте они превосходно защищают от травм во время боя в населённых пунктах и постройках.

– Сам придумал?

– Сам, много думал об этом, еще в училище.

– А с чего вообще этим заинтересовался?

– А еще до училища был у меня сосед, бывший казак-пластун, вот он много чего мне рассказал, мне понравилось, вот и решил на этой основе создать для наших войск специальное подразделение. Всё равно ведь для успешной войны такие части просто необходимы, вот по его рассказам и собственным соображениям и решил попробовать.

Так говоря, я ничем не рисковал, действительно, был у прошлого владельца этого тела такой сосед и действительно он много чего рассказывал. За это время мне частично стала доступна память моего предшественника, не вся, но отдельными фрагментами она стала прорываться, вот так я и узнал про Трофима Никанорыча, старого донского казака-пластуна, который ещё в русско-японскую воевал. Затем была империалистическая, вот в гражданскую он ни за кого воевать не стал, что его впоследствии и спасло. Ему уже было под шестьдесят лет, и жил он в городе, вот и пронесло мимо него опасности и репрессии. Если захотят под меня копать, то легко его найдут, и он подтвердит, что рассказывал мне про свою жизнь в пластунах, так что с этой стороны я полностью прикрыт.

– Ладно, пошли, покажешь, что твои бойцы умеют, а то, честно говоря, я ничего ни разглядеть, ни понять не успел.

– Слушаюсь, товарищ командующий.

Мы все вместе отправились на полигон, где вначале мои бойцы лихо прошли полосу препятствий. Конечно, сейчас её проходить было в какой-то мере легче, а в какой-то тяжелее. Зима, грязь замёрзла, а с другой стороны – снег, да и многие канаты и шесты обледенели и стали скользкими, но всё равно бойцы прошли полосу препятствий играючи, сказались многочисленные тренировки. Затем был бой в учебном городке, тропа разведчика, показательный рукопашный бой с использованием холодного оружия и сапёрных лопаток, а под конец и учебный захват командования условного противника. Прямо на глазах Успенского и Тимошенко бойцы залегли вдоль дороги, миг, и никого не видно, и не скажешь, что тут организована засада.

По дороге ехала наша «полуторка» с бойцами и «эмка», имитируя высокое начальство с охраной. Хоть бойцы и знали о засаде, но всё равно пропустили её начало. Перед машинами и в кузове «полуторки» рванули брошенные взрывпакеты, и одновременно с этим с обочины дороги к машинам рванули неясные белые силуэты, которые мгновенно обезвредили всех бойцов в «полуторке» и выволокли пассажиров из «эмки». Глядя на это, и Успенский, и Тимошенко оценили как такт, который проявили к ним бойцы лейтенанта Скуратова, всё же их из машин не выдёргивали, так и то, как лихо, быстро и слаженно провернули это бойцы спецвзвода. Что и говорить, но показанное им очень понравилось, так что личный опыт от невольню побывавших на месте учебных посо-

бий отошел на второй план.

Комдив Коломиец, хоть и видел подобное уже не в первый раз, но тоже остался доволен от представления, да и высокое начальство было довольно, это сразу бросалось в глаза, и похоже, инцидент с использованием самого начальства в качестве объекта тренировки тоже исчерпан.

После показа своих умений мы все вместе вернулись в казарму, так как высокое начальство захотело осмотреть и её. Там их ждало новое удивление – наша форма. Она кардинально отличалась от принятой в армии и соответствовала современной военной форме, разумеется, современной для меня, но больше всего их удивили шевроны на рукавах, выполненные в форме классического западноевропейского щита. В центре находился подобный же щит с красной звездой, сверху надпись «Спецназ», а внизу у моих бойцов – РККА, а у ребят Углова – НКВД. Каюсь, это была исключительно моя задумка, и даже за изготовление этих шевронов я платил из своего кармана, но сумел уговорить Коломийца, чтобы он это разрешил. Да, представляю себе, какие были бы глаза у моих современников, если бы они каким-то чудом это всё увидели, тем более с оружием, которого пока ещё нет. Но что ни говори, и Успенскому и Тимошенко всё понравилось, а значит СПЕЦНАЗУ БЫТЬ! Есть, конечно, сейчас аналог и предшественник спецназа, ОСНАЗ, но он еще не так развит, и задачи у него немного другие, и понятия дальнейшего развития тоже нет. А ведь если бы у нас на начало войны в каж-

дой дивизии была бы хотя бы рота спецназа, хорошо обученная и вооруженная, то немцы кровью умылись с первых дней боевых действий, да и их «Брандербург» так свободно у нас себя не чувствовал. Конечно, с учебным захватом Успенского и Тимошенко я рисковал, сильно рисковал, но у меня и так уже репутация большого на всю голову, способного на любой поступок. В некоторых случаях это даже полезно, и сейчас в итоге сыграло в мою пользу. Начальство уехало довольное увиденным, так что, скорее всего, скоро будет расширение моего подразделения, увеличат до отдельной роты, не знаю, но перемены будут точно.

3 марта 1938 года, Москва, Генеральный штаб

Разумеется, специально никто не созывал совещание Генерального штаба СССР, это было плановое совещание, на которое внезапно приехал командующий Киевским военным округом командарм 2-го ранга Тимошенко. Его прибытия на совещание никто не ожидал, как и причины его появления на нём.

– Добрый день, товарищи, – поздоровался с присутствующими Тимошенко, а присутствовали начальник Генерального штаба СССР командарм 1-го ранга Шапошников, начальник оперативной подготовки комбриг Василевский, командующий войсками Московского военного округа маршал Будённый и нарком обороны маршал Ворошилов.

– Семён Константинович, какими судьбами? – спросил у него Шапошников.

– Сам не думал, но неделю назад, разбираясь с делами, отправился проверять 46-ю стрелковую дивизию и, не доезжая до её штаба нескольких километров, был захвачен в плен вместе с наркомом госбезопасности Украины Успенским.

– Не понял, как это захвачен в плен? – не выдержал Ворошилов.

– А вот так, Климент Ефремович. Впереди шла «полуторка» с бойцами охраны, затем моя машина и машина Успенского. А дальше мы даже понять ничего не успели, внезапно раздались громкие взрывы, сверкнула яркая вспышка, машины остановились, а мгновение спустя двери распахиваются, а на нас направлены стволы автоматов.

– Да кто это мог быть?

Ворошилова так и снедало любопытство.

– Как оказалось, это подразделение лейтенанта Скуратова одновременно отработало и захват командования условного противника, и наглядно показало своему командованию, на что способна его группа «Зэта». Он уже полгода усиленно готовит свой взвод как подразделение специального назначения.

– Семён Константинович, голубчик, а какие задачи он ставит перед своим подразделением? – это спросил уже Шапошников.

– Достаточно большие, Борис Михайлович. От простой разведки в ближнем и дальнем тылу противника до совершения диверсий и захвата или уничтожения вражеского командования. В первый момент мы с Успенским, разумеется, рассердились, но после того, как лейтенант Скуратов показал нам возможности своего подразделения, то мы, скажу вам прямо, пришли в восторг. Скуратов продемонстрировал нам прохождение его отрядом полосы препятствий, бой в учебном городке, прохождение тропы разведчика, рукопашный бой и в заключение захват командования противника в транспорте.

– Товарищ Тимошенко, – включился в разговор Василевский. – А товарищ Успенский что там делал?

– А это самое интересное, оказывается, лейтенант Скуратов, кроме своих бойцов, тренирует и учит и взвод бойцов Житомирского городского управления НКВД. Вот Успенский и ехал посмотреть, кто и чему учит его людей.

– А как так вообще получилось, что армейский лейтенант обучал бойцов НКВД? – спросил Шапошников.

– А это вообще самая невероятная история, которую я слышал. Один из его бойцов написал на Скуратова донос, не понравилось ему, как лейтенант стал гонять бойцов взвода для поднятия их физической подготовки. Причем паршивец написал не своему особисту, а сразу в городское управление НКВД Житомира. Там нашелся деятельный лейтенант, правда без мозгов, который Скуратова арестовал. Привез

в Житомир, в управление и попытался с ходу, без всяких разбирательств выбить из Скуратова признание в работе на немецкую разведку. Тому это очень не понравилось, поэтому он сначала вырубил обоих конвоиров, а потом взялся за лейтенанта НКВД. Закончилось это тем, что этот лейтенант сам признался на работу немецкой, парагвайской и уругвайской разведок, после чего Скуратов призвал его начальника и предъявил ему чистосердечное признание.

– Наш человек! – одобрительно кивнул Будённый. – Думаю, надо его поддержать, да и его идея мне понравилась.

– Я вот что думаю, – сказал Ворошилов. – Судя по всему, его группа уже достаточно подготовлена, так что не помешает испытать их в деле.

– Испания? – спросил Шапошников.

– Да, Испания. И свою группу в реальной войне испытает, и посмотрим, что у него получится. Ты, Семён Константинович, давай, подготовь приказ об откомандировании лейтенанта Скуратова временно к генштабу, а мы его дальше направим. И вот ещё, как-то несолидно простого лейтенанта отправлять в качестве командира отряда, а ставить другого командира на его место, думаю, нецелесообразно. Капитана сразу будет ему слишком жирно, а вот старшего лейтенанта в самый раз. И название его группы в самый раз, как там, «Зэта» вроде?

– Да, Климент Ефремович.

– Значит, так и сделаем, – подвел итог этому делу Шапош-

ников. – Давайте, Семён Константинович, голубчик, подготовьте приказ и шлите его со своей группой в Москву.

– Хорошо, только, Борис Михайлович, тут одна проблема есть, наша лишь одна половина группы, взвод самого Скуратова, второй взвод лейтенанта Углова принадлежит управлению НКВД Житомира.

– Да, действительно, но думаю, этот вопрос мы с Николаем Ивановичем³ решим. В конце концов, он тоже должен быть заинтересован в степени подготовки своих людей, а это для них лучший экзамен на профпригодность.

Никто из собравшихся в данный момент военных не знал, что в это же время в кабинете Ежова говорили как раз о лейтенанте Скуратове и его группе «Зэта». Так уж получилось, что Успенский не только одновременно с Тимошенко поехал посмотреть на лейтенанта Скуратова, в Житомире, но и в Москве одновременно с ним пришел обсуждать его со своим начальством.

*3 марта 1938 года, Москва, Лубянка,
центральное управление НКВД*

После представления, устроенного ему вместе с Тимошенко Скуратовым, Успенский хотел немедленно ехать в Москву к Ежову. Он сразу оценил потенциал группы Ску-

---

³ Николай Иванович – это Ежов Николай Иванович, в данный момент нарком внутренних дел СССР, предшественник Берии.

ратова и счел её крайне необходимой для войск НКВД, вот только неотложные дела не позволили ему сразу уехать на доклад к Ежову в Москву. Поэтому и получилось так, что он одновременно с Тимошенко докладывал своему начальству о группе «Зета» лейтенанта Скуратова.

– Разрешите, Николай Иванович?

– Проходи, Александр Иванович, садись. Что тебя ко мне привело?

– Да одно интересное дело. Дошли до меня слухи, что простой лейтенант пехотинец, которого арестовало Житомирское НКВД, сам выбил из своего следователя признание в работе на целых три иностранных разведки. Сам понимаешь, дело уж больно необычное, а тут еще вдруг выясняется, что после этого руководство Житомирского НКВД откомандировывает к этому самому лейтенанту в обучение сначала отделение бойцов, а потом и целый взвод.

– И что?

– Этот лейтенант, хоть и больной на всю голову и перед органами вообще не имеет страха, представляете, использовал меня и командующего Киевским военным округом в качестве учебных пособий.

– Это как? – Ежова это реально заинтересовало.

– Так уж получилось, что Тимошенко тоже ехал в 46-ю дивизию с проверкой, вот мы вместе и ехали, и уже почти перед самой дивизией нас атаковали. Взрывы, вспышки, громозвук с охраной съехал в сугроб, наши машины тоже встали,

и не успели мы опомниться, как дверцы машин открываются, а в нас тычут стволами автоматов, новеньких ППС. Я в первый момент чуть не приказал его расстрелять, но пока ехали до штаба дивизии, успел остыть, да и Тимошенко тоже был вначале в ярости. Затем посмотрели мы на показательное выступление группы Скуратова, скажу честно, мне очень понравилось, думаю, мало кто так сможет повторить, если вообще сможет.

– Значит, половина его группы наши бойцы?

– Да.

– И? Что ты про это думаешь? Ты ведь неспроста ко мне с этим примчался?

– Думаю, нам необходимо срочно развернуть его группу как минимум в роту, хотя бы за счет наших бойцов, причём не простых, а тех, кто потом сможет сам создать подобную группу. Перетянуть Скуратова к нам, думаю, вряд ли получится, по словам сотрудников Житомирского управления, они аккуратно прозондировали этот вопрос. Переходить в НКВД Скуратов отказался, но тренировать наших бойцов сразу согласился без всяких условий. А после всего этого и армейцы сами не согласятся его отпустить к нам. В идеале, конечно, хорошо договориться с Шапошниковым об организации учебного центра по подготовке войск специального назначения, так сам Скуратов называет свою группу. Там можно тогда будет обучать и армейцев, и наших бойцов.

– Идея неплохая, вот только не помешает перед этим ис-

пытать его группу в боевых условиях. Мы ведь помогаем республиканской Испании, вот и пошлём туда его вместе с его группой.

– Но ведь он армеец, мы можем послать туда только взвод Углова, это командир наших бойцов.

– Думаю, Борис Михайлович тоже захочет испытать его группу в деле. Наверняка Тимошенко или уже доложил Шапошникову о группе Скуратова, или сделает это в ближайшее время. Ему ведь тоже понравилось выступление группы Скуратова?

– Да.

– Значит, так и будет, я созвонюсь с ним, и думаю, что через месяц-другой Скуратов уже будет на деле показывать, чему он научил своих и наших бойцов.

Успенский ушел, а позвонить Шапошникову Ежов не успел. Прямо сейчас у него были дела, а когда он наконец вечером собрался это сделать, как раздался телефонный звонок, звонил Шапошников. Он сам просил Ежова разрешить бойцам его взвода, которые обучались у Скуратова, съездить в составе его отряда в Испанию. Поскольку они оба были в этом заинтересованы, то и договорились мгновенно.

7 марта 1938 года, посёлок Черняхов

– Скуратов! У меня для тебя две новости, – обрадовал меня прямо с утра ротный.

– Что, как всегда плохая и хорошая?

– Ну как сказать, не знаю, это тебе, наверно, надо самому решать.

– Ладно, давай с хорошей.

– Поздравляю, тебе старшего лейтенанта присвоили.

– А плохая?

– Тебя в Москву вызывают, вместе со всей группой.

– Ну не сказал бы, что это плохая новость.

– Для тебя, может, и нет, а мне комбат сказал по новой взвод формировать. В начале лета новый Ванька взводный придет и бойцов подкинут, а тебя, наверно, мы больше не увидим. Обмывать звание будешь?

– Конечно! Прямо сейчас тогда в магазин пойду, затарюсь.

– Сейчас не выйдет. Тебя в штаб затребовали, причём не полка, а дивизии.

– Но всё равно, вечером обмываем.

Прибыв в штаб дивизии, я попал к самому комдиву, думал, просто в кадровый отдел, но не тут-то было.

– Товарищ комдив, лейтенант Скуратов по вашему приказу прибыл.

– Поздравляю тебя. Слышал уже, что тебе старшего лейтенанта присвоили?

– Слышал, ротный уже обрадовал.

– Вот только, похоже, забирают тебя от нас, приказ из самого Генерального штаба откомандировать тебя вместе со всей группой в Москву, в его распоряжение, причём с бой-

цами Углова.

– Так ведь он к НКВД относится, как его могли откомандировать?

– Видно, как-то это согласовали с управлением НКВД, так как в приказе на твоё откомандирование написано, что это согласовано с центральным управлением НКВД.

– Странно всё это, товарищ комдив.

Честно говоря, это действительно меня удивило, для простого показа высокому начальству моей группы вовсе необязательно нас откомандировывать в распоряжение Генерального штаба.

– Думаю, ждёт тебя командировка в тёплые страны, вернее страну.

– Испания?

– Скорее всего, да. Ты со своей группой такое впечатление произвел на начальство, что, похоже, оно решило испытать тебя в деле, а это сейчас только Испания.

Выйдя от начальства, я направился напрямиком в магазин, где купил шесть бутылок водки. Сам я много пить не собирался, но и прослыть жлобом, даже покидая дивизию, я не хотел. Вечером в штабе нашего батальона собрались все наши командиры. Я выставил купленную водку и закуску, после чего обмыл новые кубики. Капитан Широких, подняв стакан, произнёс:

– Ну, Скуратов, чтобы через год уже шпалы обмывал⁴.

---

⁴ Подразумевается, что Скуратову присвоят звание капитана, чему соответ-

Посидели мы хорошо, я много не пил, но и остальные тоже не напивались, хотя всю водку и оприходовали, но за добавкой не бегали. Утром я встал нормально, без малейших признаков похмелья, прогнал группу на утренней зарядке и приказал строиться в полной выкладке, со всеми вещами. По приказу начальства нам выдали сухпай на три дня, после чего за нами пришли грузовики, и до железнодорожной станции мы доехали с комфортом, где, подождав пару часов, сели на проходящий на Москву поезд. Поскольку нас было всего два взвода, то нас посадили в пассажирский поезд, выделив два общих вагона. Я с Угловым ехал вместе со своими бойцами, я со своим взводом, а Углов со своим. Единственное послабление для меня с Угловым было то, что мы сходили в вагон-ресторан, а бойцы питались сухпаем, но с горячим чаем из титана. Для бойцов это был настоящий праздник, два дня ничегонеделания. В Москве нас определили в казармы, а меня вызвали в Генеральный штаб. Вот чего я совсем пока не ожидал, так это такого раннего вызова к высокому начальству.

– Товарищ командарм первого ранга, старший лейтенант Скуратов по вашему приказанию прибыл, – доложил я, прибыв в кабинет начальника Генерального штаба СССР, Бориса Михайловича Шапошникова. Тот, внимательно меня осмотрев, наконец произнёс:

– Да, совсем ещё молодой, но похоже, очень перспектив-

ный. Лейтенант, ты знаешь, зачем тебя вместе с твоей группой сюда вызвали?

– Показать мою группу высокому начальству?

– И это тоже, командующий Киевским военным округом очень хорошо высказался о том, что вы ему показали. Но это всё чистая теория, мы хотим посмотреть на ваши действия в реальных боевых действиях. Поэтому собирайтесь, покажите свои умения в Испании.

На следующий день, несмотря на то, что тут не было ни полосы препятствий, ни тропы разведчика, ни учебного городка, мы показали приехавшему высокому начальству всё, что только было можно в таких условиях. Даже так высокое начальство осталось очень довольным увиденным, а кроме того, их, конечно, заинтересовали наша амуниция и форма. Сборы продолжились пару недель, в основном это были инструкции по нашему поведению в Испании. Наконец всё закончилось, и мы отправились на поезде в Одессу, откуда уже на пароходе отбыли в Испанию. Честно, не ожидал я, что всё вот так сложится, а с другой стороны – у меня уже своя группа, пускай половина её принадлежит к НКВД, но пока она в моём подчинении. Теперь главное, это в деле показать, на что мы способны, пускай ещё я не всему ребят обучил, но на общем фоне современных армий мои бойцы были лучше всех.

Глава 6

30 марта 1938 года, Барселона, Испания

19 марта нас наконец отправили в Испанию, причём не знаю, что там у них случилось, но как будто начальство не в задницу жареный петух клюнул, а с разбегу клювом саданул в темечко. Нас отправили в Одессу даже не поездом, как я ожидал, а самолётами, причём с запасной амуницией, оружием, формой и боеприпасами. Ладно, оружие, его уже выпускали, не скажу, что большими партиями, но вполне приличными, а вот наше обмундирование, когда и где тыловики успели его пошить, сие есть тайна великая, мне неизвестная.

В Одессе нас дожидался пароход, шедший с военным грузом в Испанию, вот на нём мы и отправились в страну гордых идальго. Вот чего я не люблю, так это морские путешествия, предпочитаю чувствовать под ногами земную твердь. Плавание было самым обычным, без каких-либо происшествий, хотя я, честно говоря, опасался, что франкисты захватят или потопят наше судно, но, как говорится, бог миловал, и уже 30 марта мы высаживались в Барселоне, где нас встретил наш военный советник, полковник Игнатъев, правда здесь он назывался товарищ Игнасио. Разумеется, ехали мы в граждан-

ке, в Одессе перед посадкой на пароход нас переодели. С парохода мы тоже сходили в гражданской одежде и уже в казарме, куда нас завезли с порта, переоделись в нашу форму.

Надо ли говорить, что когда Игнатьев и другие испанские товарищи нас увидели в нашей форме, то испытали шок. Не похожая ни на одну форму мира, разве что немного схожая с английской из-за накладных квадратных карманов, а кроме того, разгрузки со всем необходимым и оружие, тоже никому не известное. Кстати, мы были в касках, наших обычных, но в матерчатом камуфляжном чехле, а поверх чехла ещё и мелкаячеистая сетка нашита. Короче, вид для этого времени сюрреалистический. И вот в таком виде, срочно подогнав десяток крытых грузовиков, всех нас, вместе с нашими прибывшими вещами, грузят в них и везут к месту нашей будущей дислокации.

Кстати, после московского морозца, а там еще снег лежит, в Испании считай теплынь, температура немного за двадцать градусов, в самый раз, а то не люблю жару. Мои бойцы тоже наслаждаются тёплой погодой, с моря дует лёгкий ветерок, пахнувший свежестью и морем. Эх, сейчас бы на недельку-другую забуриться в какую-нибудь хижину у моря: утром рыбачить, днём гулять по пляжу, чтобы вода прибоя омывала босые ноги, а вечерами сидеть на террасе, попивать лёгкое вино и смотреть на море. Мечты, мечты, где ваша сладость... Да, остаётся об этом только мечтать, в надежде, что пусть и не здесь, но хотя бы на Чёрном море я смогу так отдохнуть,

а пока суровая реальность.

Самое паршивое, что я мало знаю о гражданской войне в Испании. Ну не интересовался я этой темой в прошлой жизни, не нужно мне это было, да. Кто же знал, что судьба-злодейка забросит меня в другое время и другое тело. Я даже не знал, когда она началась и когда окончилась, только то, что победил генерал Франко и вроде правил до самой смерти в 1960-е или 1970-е годы⁵. Я не испытывал никаких иллюзий по поводу исхода этой войны. Республиканцы в любом случае проиграют, и никакая моя помощь им в этом не поможет. Хотя ничего удивительного в этом нет, хоть я и не интересовался ходом гражданской войны в Испании специально, но все же кое-что слышал, в частности, о том бардаке, который царил в республиканском правительстве. Кто только ни сражался за республиканцев, и троцкисты, и анархисты и вроде националисты, короче, это был ещё тот серпентарий. Хоть СССР и помогал республиканцам, но участие троцкистов и анархистов настораживало руководство СССР, а в основном Испания послужила хорошим полигоном для испытания советской военной техники и вооружения, да и обкатка наших командиров, лётчиков и танкистов тоже была хорошей. Короче, все делали на этом свой бизнес, а отдуваться пришлось испанцам.

---

⁵ Гражданская война в Испании длилась с 17 июля 1936 года по 1 апреля 1939-го, а генерал Франко правил до 1973 года, когда сам ушел с поста главы правительства и умер в 1975 году.

Вот и я сейчас буду обкатывать здесь своих бойцов, а заодно показывать своему руководству, что нам крайне необходимы такие группы. Вот так, я тут хоть и по приказу начальства, но тоже имею свой шкурный интерес, как говорят господа наглосаксы – ничего личного, просто бизнес. Поздно вечером мы въехали в город Гандеса, где и высадились в местных казармах⁶.

31 марта 1938 года, Гандеса, Испания

Подъем как всегда, в шесть утра, вот только привычной зарядки нет, не до неё сейчас, вернее не до кроссов, а потому бойцы занимаются в казармах отжиманиями и приседаниями. Я во всём этом не участвую, поручив надзор за всем этим Углову. Пока Углов занимает бойцов, я изучаю карты местности района нашего оперирования. После завтрака в восемь часов я отпускаю бойцов проверять оружие, а сам двигаюсь в штаб, где мне и ставят первую задачу. Франкисты всю обстреливают позиции республиканцев из тяжёлых орудий, вот мне и поручают любыми средствами подавить их.

Точное место расположения вражеских орудий известно, вот только уничтожить их республиканцы не могли, вот и поручили это мне, скажем так, как экзамен на профпригодность. Конечно, надо бы по уму сначала как следует изучить

---

⁶ В реальной истории Гандеса была взята франкистами 3 апреля 1938 года.

местность, что где находится и какие части противника где стоят, но начальству надо ещё вчера, а значит, надо работать с колёс. Вечером, как стемнело, выдвигаемся к передовой, а кругом бардак. Я, правда, еще успел наметить пути прохода, не только по карте, но и вживую, а то если переться даже не глянув на место перехода, то можно всё завалить не начав. Вражеский дивизион располагался километрах в десяти от линии фронта, а поскольку у республиканцев на этом участке фронта не было тяжёлой артиллерии, то вражеские артиллеристы чувствовали себя вполне вольготно. С авиацией, кстати, тоже начались проблемы, а потому артиллерийский дивизион работал спокойно, можно сказать, в полигонных условиях.

Незадолго до наступления темноты грузимся в грузовики, и они везут нас на передовую, где мы и дождаемся темноты. Линию фронта мы пересекли в полночь, а затем был двухчасовой марш, и часам к трем ночи мы вышли на позиции.

Даю короткий отдых бойцам, а сам по мере возможности изучаю расположение артиллерийского дивизиона. Тут дело хреновое, ночной оптики и приборов ночного видения у нас, разумеется, нет, всё освещение это луна, когда её не закрывают облака. По уму надо вначале выслать разведку, а уже она, заняв подходящую позиции ночью, затем днём всё внимательно рассмотрит и изучит, нанесёт на карту, и только потом, проанализировав эти данные, разработаем операцию по уничтожению противника. Вот только вся проблема в том,

что даже этих лишних суток у меня нет, а потому работаем с ходу. Минут двадцать, пока я с Угловым изучал расположение противника, бойцы отдыхали. Наконец, более или менее рассмотрев расположение противника, отправляю пары на снятие часовых. Ещё одна проблема в том, что я не знаю, какая периодичность смены часовых, то есть когда именно их меняют. Приходится рисковать, и тут срабатывает закон подлости. Только мои бойцы снимают всех часовых, как показывается разводящий с новой сменой. Делать нечего, хотелось совсем тихо сработать, но видимо не судьба, будь тут сназ, то пришлось бы им, скорее всего, бросаться на новую смену врукопашную с ножами, так как чёрт его знает, есть уже БраМит⁷

---

⁷ БраМит – глушитель для нагана, разработанный братьями Митиными в 1929 году, но такие тонкости наш герой не знает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.